

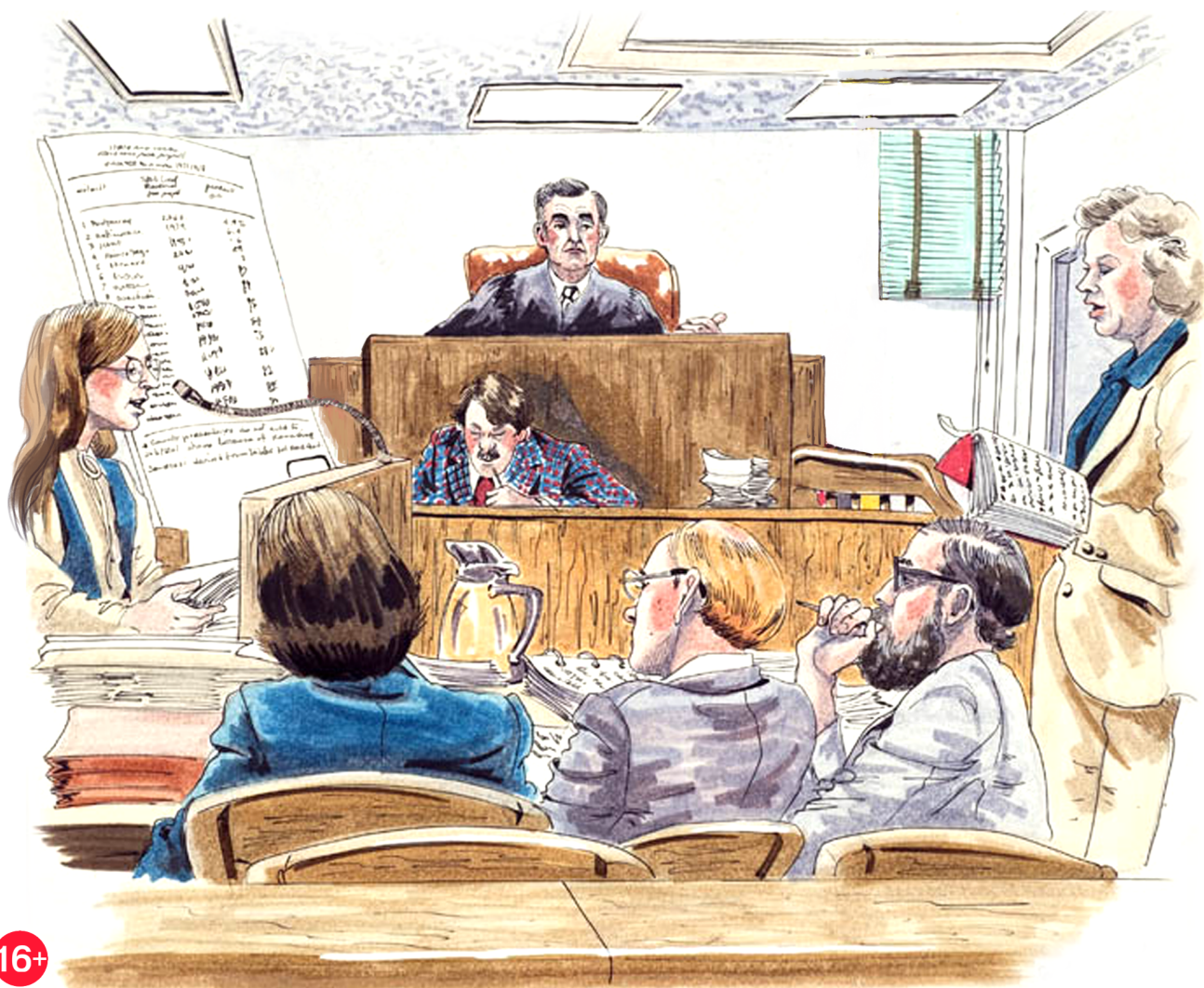
МОЛОДОЙ
УЧЁНЫЙ

ISSN 2587-8573

НОВЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

международный научный журнал

4
2022

16+

Новый юридический вестник

Международный научный журнал

№4 (37) / 2022

Издается с мая 2017 г.

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук

Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук

Курпаяниди Константин Иванович, PhD

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

Международный редакционный совет:

- Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и. о. профессора, декан (Узбекистан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, кандидат технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Сороколетов А.Д.
К вопросу о правовой природе малозначительности административного правонарушения 1

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

Пащенко И.Ю.
Облачные технологии: о возможных подходах к регулированию 5

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Лапаева М.А.
Общество с ограниченной ответственностью и непубличное акционерное общество (сравнительный анализ) 7

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Баярова Е.А.
Обязательные наследники при наследовании по завещанию 10

Куликов В.В.
К вопросу об обеспечительной функции неустойки в российском и зарубежном праве .. 12

Рыхлов А.А.
К вопросу о понятии ветеринарной услуги 16

АРБИТРАЖНОЕ ПРАВО

Кирсанова Е.А.
Лимиты расходования денежных средств от реализации предмета залога в банкротстве: толкование и применение п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве 19

ТРУДОВОЕ ПРАВО

Сороколетов А.Д.
О правовой природе трудового договора 22

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Артемов Д.М.
Научная трактовка и элементы гражданского иска в уголовном судопроизводстве 25

Артемов Д.М. Сообразность направления гражданского иска в уголовном деле	27
Ермолаенко Л.М. Личность преступника: понятие, сущность и классификация	29
Минасарян К.А. Соучастие в неосторожной преступной деятельности. Отграничение соучастия в преступлении от неосторожного сопричинения	31
Трунцевский Ю.В., Селецкая А.С. Понятие координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью	33

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

Ковалева Е.А. Проблемы осуществления полномочий прокурором по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением	35
Миллер В.И. Обстоятельства, подлежащие установлению при расследовании превышения должностных полномочий, как элемент частной криминалистической методики расследуемого деяния	36
Панфилов И.А. Некоторые аспекты рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей ...	38
Синицына Д.А. Практика применения главы 40 УПК РФ в мировой юстиции	39
Хакимова Н.О. Причины ничтожно малого числа оправдательных приговоров в России	43

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Каримов Т.В. Понятие и способы имплементации норм международного спортивного права в Российской Федерации	46
---	----

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

К вопросу о правовой природе малозначительности административного правонарушения

Сороколетов Александр Дмитриевич, студент

Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина

В статье автор рассматривает малозначительность административного правонарушения путем анализа статьи 2.9. КоАП РФ в синергии нормативного и доктринального подхода, формируя при этом общее представление о его правовой природе.

Ключевые слова: малозначительность, административное правонарушение, малозначительное административное правонарушение, устное замечание, правоприменитель.

Малозначительность административного правонарушения как часть механизма освобождения лица от административной ответственности носит в научной среде дискуссионный характер. Как пишет О. М. Кирьянова, отсутствие в действующем законодательстве легального понятия малозначительности, а также критериев ее определения, приводит чаще всего к разногласиям при выяснении, входит ли то или иное административное правонарушение в разряд малозначительных и следует ли в этой связи устранять последствия указанного правонарушения, если оно малозначительно [1, с. 50]. Следовательно, предметом исследования настоящей статьи выступает малозначительность административного правонарушения, целью — формирование общего представления о правовой природе малозначительности административного правонарушения в синергии его нормативно-правового и доктринального понимания.

В соответствии со статьей 2.9. Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее КоАП РФ), при малозначительности совершенного административного правонарушения судья, орган, должностное лицо, уполномоченные решить дело об административном правонарушении, могут освободить лицо, совершившее административное правонарушение, от административной ответственности и ограничиться устным замечанием [2]. По нашему мнению, представленную норму КоАП РФ для ее точного уяснения следует разделить условно на три взаимосвязанных элемента:

- а) малозначительность совершенного административного правонарушения, ее понятие и существенные характеристики;
- б) судья, орган, должностное лицо, уполномоченные решить дело об административном правонарушении.

- в) устное замечание как государственная реакция на совершенное административное правонарушение, носящие малозначительный характер.

Итак, малозначительным административным правонарушением, согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5, выступает действие или бездействие, формально содержащие в себе признаки состава административного правонарушения, однако с учетом характера совершенного правонарушения и роли правонарушителя, размера вреда и тяжести наступивших последствий не представляющее существенного нарушения охраняемых общественных правоотношений. Такие обстоятельства, как личность и имущественное положение привлекаемого к ответственности лица, возмещение причиненного ущерба, добровольное устранение последствий правонарушения, не могут являться обстоятельствами, характеризующими малозначительность правонарушения. Они в силу частей 2 и 3 статьи 4.1 КоАП РФ учитываются при назначении административного наказания [3].

Постановление Пленума ВАС РФ от 02.06.2004 № 10 устанавливает, что при квалификации правонарушения в качестве малозначительного судам необходимо исходить из оценки конкретных обстоятельств его совершения. Малозначительность правонарушения имеет место при отсутствии существенной угрозы охраняемым общественным отношениям, Квалификация правонарушения как малозначительного может иметь место только в исключительных случаях и производится с учетом положений настоящего Постановления применительно к обстоятельствам конкретного совершенного лицом деяния, носит мотивированный характер [4].

Существенное дополнение в понимание малозначительности административного правонарушения вносит Определение Конституционного Суда РФ от 29.05.2014 № 1013-О, в котором говорится, что освобождение от ад-

министративной ответственности путем признания правонарушения малозначительным во всех случаях, когда правоприменительный орган на основе установленных по делу обстоятельств приходит к выводу о несоразмерности наказания, предусмотренного конкретной статьей Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, характеру административного правонарушения, противоречило бы вытекающему из принципа справедливости принципу неотвратимости ответственности, а также целям административного наказания и не обеспечивало бы решение конституционно значимых задач законодательства об административных правонарушениях (статья 1.2 КоАП Российской Федерации) [5].

Таким образом, по нашему мнению, можно выделить следующие существенные характеристики малозначительности административного правонарушения, кристаллизующиеся из нормативно-правового понимания исследуемого предмета:

- a) Малозначительности присущ ретроспективный характер, иными словами, правоприменитель оценивает «совершенное административное правонарушение», которое содержит все признаки состава административного правонарушения;
- b) Квалификация малозначительности административного правонарушения связана с комплексом нормативно-правовых обстоятельств, характеризующих воздействие настоящего правонарушения на охраняемые законодательством общественные правоотношения: оценка конкретных обстоятельств, характера совершенного правонарушения, роли правонарушителя, размера вреда, а также тяжести наступивших последствий. Такие обстоятельства, как личность и имущественное положение привлекаемого к ответственности лица, возмещение причиненного ущерба, добровольное устранение последствий правонарушения должны быть отделены от обстоятельств характеризующих малозначительность административного правонарушения на основании частей 2 и 3 статьи 4.1 КоАП РФ, иными словами, их регулирование находится вне сферы регулирования статьи 2.9. КоАП РФ.
- c) Освобождение от административной ответственности через признание административного правонарушения малозначительным должно обеспечить баланс реализации принципа неотвратимости ответственности, вытекающего из принципа справедливости, целей административного наказания, конституционно значимых задач законодательства об административных правонарушениях.
- d) Определение административного правонарушения малозначительным должно носить мотивированный (или обоснованный) характер в виду воздействия административного правонарушения на охраняемые законодательством общественных правоотношений.

По нашему мнению, для целостного понимания малозначительности административного правонарушения

необходимо обратиться и к доктринальным позициям ученым, в частности, Л. Л. Попов пишет, что административное правонарушение может быть признано правоприменителем малозначительным, если оно, с одной стороны, не причинило вреда, и, с другой стороны, не создало угрозы причинения вреда личности, обществу или государству [6, с. 222–223], то есть важнейшей характеристикой малозначительности (обстоятельством) является отсутствие нанесения существенного ущерба охраняемым правоотношениям, что корреспондирует Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5.

Следует отметить, что статья 2.9. КоАП РФ предусматривает прежде всего не обязанность, а право (или как следует из названия нормы «возможность») освобождения от административной ответственности, притом настоящий вопрос решается на усмотрение субъекта юрисдикции («административное усмотрение») на основе анализа субъективной и объективной сторон правонарушения, обстоятельств, отягчающих и смягчающих ответственность [6, с. 243–244].

Не менее важным элементом малозначительности административного правонарушения выступает устное замечание, выполняющее роль санкции, хотя оно и не влечет для лица юридических последствий, однако свидетельствует о неотвратимости реагирования государства на противоправное поведение. По мнению Л. А. Ломакина, устное замечание преследует предупредительную и профилактическую цель как к лицам, непосредственно совершившим эти правонарушения, так и к другим лицам (частная и общая превенция) [7, с. 56].

В научной статье С. М. Даровского содержится позиция Д. Н. Бахраха, видевшего малозначительность как альтернативу административной ответственности, однако ядром настоящей альтернативы явились дискреционные полномочия правоприменителя. Аналогичной точкой зрения обладал В. М. Фокин, утверждавший, что освобождение нарушителя от ответственности за малозначительность должно быть мотивировано целесообразностью со стороны уполномоченного субъекта, что отсылает нас к Определению Конституционного Суда РФ от 29.05.2014 № 1013-О, к примеру, в части достижения целей административного наказания [8, с. 96].

По мнению Л. А. Тихомировой, реализация статьи 2.9. КоАП РФ, ведущая к прекращению производства по делу об административном правонарушении из-за малозначительности не исключает факта совершения правонарушения и признания совершенных деяний (действий или бездействий) противоправными. Следовательно, например, вынесенное решение (постановление) уполномоченным лицом о прекращении производства по делу об административном правонарушении при наличии обстоятельств, предусмотренных ст. 2.9 КоАП РФ, впоследствии не может являться основанием для признания незаконным предписания об устранении нарушений, выявленных по результатам проверки [9].

По нашему мнению, представленная позиция Л. А. Тихомировой, во-первых, отвечает на ранее обо-

значенный вопрос О. М. Кирьянова, а, во-вторых, корреспондирует к ретроспективному характеру малозначительности административного правонарушения.

Обратимся к работе С. Н. Керимова, в которой можно найти существенные признаки малозначительности административного правонарушения, сформулированные О. В. Дербиной:

- а) формальное присутствие всех признаков правонарушения.
- б) отсутствие существенного нарушения охраняемых законодательством общественных отношений, что соответствует положениям Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5.
- в) нецелесообразность привлечения лица к юридической ответственности, что отсылает нас к позиции В. М. Фокина;
- г) оценочность понятия, взаимоувязанная с дискреционными полномочиями правоприменителя, по мнению А. Д. Иделбаевой преодоление неоднородность применения статьи 2.9. КоАП РФ зиждется на отсутствии ясных критериев возможности ее применения, а по тому законодательно требуется закрепить либо перечень малозначительных административных правонарушений или их ключевые признаки, пределы использования настоящей нормы как в материальном, так и в процессуальном плане, что, по нашему мнению, носит обоснованный характер [10, с. 174].

В. Ю. Пирогов, чья точка зрения содержится в научной статье А. Н. Дерюга, условно дифференцирует критерии малозначительности административного правонарушения на две группы: основные, в частности, малый размер нанесенного вреда или малую степень угрозы наступления последствий в зависимости от материального или формального состава правонарушения; дополнительные, к примеру, субъективные и объективные признаки правонарушения, идентифицирующие его роль как незначительную [11, с. 40]. В это связи хотелось бы упомянуть и научную работу А. М. Абрамов, разделявший признаки малозначительного административного правонарушения:

- а) основные: противоправность; наказуемость (как угроза применения наказания); виновность (в различных ее формах); отсутствие существенного вреда; деятельность физического и (или) юридического лица; наличие причинной связи между деятельностью физического и (или) юридического лица и наступившим вредом.
- б) вспомогательные (факультативные): размер вреда и (или) тяжесть наступивших последствий; характер общественной вредности; степень общественной вредности; признание факта совершения

административного правонарушения; роль деликвента; освобождение от административной ответственности (как право) [12, с. 10].

Настоящие демонстрирует неоднородность форм теоретического выражения правовой природы малозначительности административного правонарушения.

Стоит уточнить, что многие авторы рассматривают не малозначительность, а малозначительное административное правонарушение, к примеру, А. М. Абрамов, по нашему мнению, указанные термины имеют схожую правовую природу, а потому понимание одного способует пониманию другого.

Таким образом, малозначительность административного правонарушения как важнейший элемент механизма освобождения лица от административной ответственности носит сложный и неоднородный характер, выраженный в синергии законодательно (правоприменительного) и теоретического понимания. С целью точного раскрытия заявленной темы и предмета исследования, автор условно разделил статью 2.9. КоАП РФ на три составляющих элемента: малозначительность совершенного административного правонарушения, ее понятие и существенные характеристики; судья, орган, должностное лицо, уполномоченные решить дело об административном правонарушении; устное замечание как государственная реакция на совершенное административное правонарушение, носящее малозначительный характер. Рассмотрение каждого из них позволило сформировать общие представления о правовой природе малозначительности административного правонарушения в целом.

Малозначительность носит ретроспективный, соразмерный (соответствующий целям) и мотивированный характер, взаимоувязанный с нормативно-установленными обстоятельствами, характеризующими воздействие настоящего административного правонарушения на защищаемые государством общественные правоотношения. Настоящие тезисы (характеристики) находят свое выражение и в иных позиции ученых, к примеру, В. М. Фокина и Л. А. Тихомировой.

Устное замечание, согласно нашей позиции, выполняет роль условной санкции, хотя оно не несет юридических последствий, однако свидетельствует государственной реакции на противоправное поведение.

Судья, орган, должностное лицо, уполномоченные решить дело об административном правонарушении наделено дискреционными полномочиями, создающими разногласие в практики применения статьи 2.9. КоАП РФ, появляется оценочность понятия малозначительность, требующая нормативно-правовой регламентации понятия исследуемого предмета, критериев его определения, пределов применения указанной статьи административного законодательства.

Литература:

1. Кирьянова, О. В. Признание административного правонарушения малозначительным: проблемы теории и практики // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 3. С. 49–53.

2. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102074277> (дата обращения 14 июня 2022 г.).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5 (ред. от 23.12.2021) «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Официальный сайт Верховного суда Российской Федерации. URL: <http://supcourt.ru/documents/own/8268/> (дата обращения 15 июня 2022 г.).
4. Постановление Пленума ВАС РФ от 02.06.2004 № 10 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях» // СПС КонсультантПлюс.
5. Определение Конституционного Суда РФ от 29.05.2014 № 1013-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Трященко Светланы Николаевны на нарушение ее конституционных прав статьей 2.9 и частью 1 статьи 9.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС КонсультантПлюс.
6. Попов, Л. Л. Административное право: Учебник / Под ред. Л. Л. Попова, М. С. Студеникиной — 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юр. Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2019. 704 с.
7. Ломакина, Л. А. Понятие малозначительности административного правонарушения в КоАП РФ // Журнал российского права. 2012. № 9. С. 55–59.
8. Даровских, С. М. К вопросу о малозначительности административного правонарушения // Вестник ЮУрГУ. № 7. 2012. С 96–98.
9. Тихомирова, Л. А. Особенности реализации отдельных положений КоАП РФ и некоторые проблемы правоприменения // СПС КонсультантПлюс. 2018.
10. Керимова, С. Н. Малозначительность административного правонарушения как основание освобождения от административной ответственности // Государственная служба и кадры. № 2. 2019. С 172–174.
11. Дерюга А. Н. Пенологический аспект малозначительности административного правонарушения / А. Н. Дерюга, С. Н. Шаклеин // Юридическая наука и правоохранительная практика. № 2 (48). 2019. С 36–43.
12. Абрамов А. М. Признаки и понятие малозначительности административного правонарушения / А. М. Абрамов, И. А. Ключнико // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. № 1–2. 2012. С 3–11.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

Облачные технологии: о возможных подходах к регулированию

Пашенко Илья Юрьевич, советник
Избирательная комиссия Краснодарского края

Статья посвящена отдельным вопросам использования облачных технологий в различных сферах информационной деятельности. Автор предлагает разработать нормативно-правовое регулирование для облачных технологий. Сформулированы конкретные предложения, которые могут быть учтены при совершенствовании информационного законодательства.

Ключевые слова: облачные технологии, облачные вычисления, информационные технологии, информация, сведения, данные, цифровая информация, информация в цифровой форме.

Одной из наиболее заметных тенденций современного периода цифровой трансформации информационного общества стало активное использование в различных сферах деятельности облачных вычислений или «cloud computing» (далее синонимично по тексту — облачные технологии). Государства, интегрированные в глобальную экономику, заинтересованы в интенсификации имеющегося и в возникновении нового инструментария, при этом важной задачей остается обеспечение эффективности развития государственного управления и сохранение информационного суверенитета. При этом в науке отмечается потребность в принятии актов на международном уровне, которые позволили бы обеспечить информационную безопасность и системное развитие данных технологий [4, с. 15]. Кроме того, исследователи связывают развитие облачных технологий с экономическими преимуществами [1, с. 172].

Современный уровень развития информационных технологий позволяет представить облачные вычисления в различных аспектах. Наиболее типичное представление о рассматриваемой технологии базируется на том, что это программное обеспечение, позволяющее по требованию пользователя и при наличии доступа к информационно-телекоммуникационной сети Интернет получить определенные сведения либо данные. Однако технологии, предполагающие использование облачных вычислений, не только обеспечивают доступ к информации в цифровой форме, но и позволяют извлечь полезные эффекты при эксплуатации конфигурируемых ресурсов инфраструктурного плана.

Для целей государственного управления и иной деятельности, относящейся к информационной, важнейшей особенностью облачных вычислений стала возможность их использования для взаимного обмена цифровой информацией в рамках существующих и создаваемых информационных систем. Кроме того, облачные технологии за счет специальных алгоритмов позволяют пользова-

телям производить такие компьютерные вычисления, которые могут приводить к возникновению принципиально новой информации в цифровой форме и появлению знаний. Широкое распространение облачных технологий обусловлено развитием цифровых каналов связи, их тесной взаимосвязью с информационно-телекоммуникационной сетью Интернет.

Многообразие существующих сценариев использования и представления цифровой информации, полученной посредством осуществления облачных вычислений и доступной в рамках информационных систем, создает потребности в выработке новых механизмов нормативного регулирования. При этом имеющиеся требования к обеспечению информационной безопасности зачастую накладывают определенные ограничения на свободное использование и развитие облачных технологий. Так, требования законодательства Российской Федерации о локализации данных не позволяют операторам и иным организациям, в том числе обеспечивающим оказание услуг связи, предоставление финансовых услуг, эксплуатацию технического оборудования соответствующего назначения либо ведущих деятельность в сфере информационных технологий, использовать базы данных, находящиеся территориально за пределами Российской Федерации, следовательно, сужаются возможности для применения вычислительных технологий. Конкретные препятствия в использовании технологий иностранными субъектами правоотношений можно обнаружить в отраслевом регулировании [2, с. 114]. Так, Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 242-ФЗ предусматривает необходимость размещения серверов, проведения различных операций и хранения информации на территории Российской Федерации, хотя и не исключает их повторную обработку и передачу в иные облачные сервисы, находящиеся за пределами национальной юрисдикции. При этом очевидно, что не все возможности использования облачных вычислений соответствуют тому, чтобы

обеспечивалось соблюдение правил локализации данных. Полагаем, что при следовании обозначенному правилу целесообразно выделить конкретный перечень направлений использования технологий с учетом содержания имеющейся информации, полученной и обработанной посредством облачных технологий. Законодательство также содержит отдельные требования, которые предъявляются к органам публичной власти. Практически похожая практика развивается в ряде иностранных государств [3, с. 40]. К примеру, в Европейском союзе применяется условие эквивалентности защиты конфиденциальности, которое допускает согласно The General Data Protection Regulation (GDPR) передачу данных за территориальные границы объединения.

В зависимости от сфер использования облачные технологии можно разделить на определенные виды: по сфере развертывания — на публичное, частное, гибридное «облако»; по сфере предоставления услуг на их базе — программное обеспечение, функция, платформа и инфраструктура. Классификация облачных технологий приобретает особое значение для разработки различных подходов к их правовому регулированию, что в перспективе позволит обеспечить необходимый баланс между технологическим развитием общества и выбором эффективных и своевременных механизмов цифрового государственного управления.

В вопросах, связанных с обеспечением конфиденциальности и защитой исключительных прав на интеллектуальную собственность, принципиальное значение получает классификация облачных вычислений по моделям развертывания. Например, использование облачных технологий в частной среде позволяет создать максимально надежные условия для сохранения информации. При этом частные облачные сервисы могут стать той средой, в которой будут систематически нарушаться нормы законодательства об интеллектуальной собственности, а установить факты подобных нарушений в силу закрытости (ограниченности доступа) модели будет практически невозможно.

Для регулирования облачных вычислений публичного характера будут актуальны технологические решения, построенные на основе интеллектуальных функций или алгоритмов (например, существуют способы анализа хэш-сумм и учета цифрового следа) и предполагающие

использование сети Интернет. В данном случае представляется возможным выявить и устранить нарушения законодательства в автоматическом режиме. Соответственно, возникнет потребность в применении соответствующих технологий и их легализации, предполагающей учет целей и фактов их реализации на практике.

Правовое регулирование облачных технологий тесно связано с развитием других современных информационных технологий и разработок в области программного обеспечения, в том числе искусственного интеллекта. Например, подобный подход можно проследить в развитии нормативно-правовой базы Китая в области информационных технологий [5, с. 45].

Российское законодательство к настоящему времени не регулирует реализацию и применение облачных технологий комплексно ни в сфере государственного управления, ни в области цифровой экономики. Правовая база отличается разрозненным характером и отсутствием норм, позволяющих качественно выделить явление и сформировать его существенные юридические черты. При этом в нормативно-правовых актах и правоприменительной практике категория упоминается по-разному: облачные вычисления, облачные технологии, облачные платформы, облачные сервисы, облачные решения.

С учетом отмеченного представляется возможным сформулировать конкретные предложения по нормативно-правовому регулированию облачных технологий:

— Легальная возможность использования облачных вычислений не должна находиться в зависимости от места хранения данных или информации в цифровой форме;

— Необходимо установить отдельные правовые режимы использования информационных технологий, в том числе облачных, классифицированных в зависимости от целей использования (частные, публичные, смешанные);

— Необходима систематизация требований в области информационной безопасности, касающихся сбора, хранения, автоматизированной обработки и передачи информации в цифровой форме посредством облачных технологий.

Законодателю целесообразно обратить внимание на понятийно-категориальный аппарат и обозначить подходы к развитию рассматриваемой категории, которая является важнейшим компонентом цифровой экономики и цифрового государства.

Литература:

1. Абдусаламов Р. А., Магарамов А. С. Проблемы совершенствования национального облачного законодательства // Закон и право. 2019. № 10. 171–173.
2. Канашевский В. А. Юридические проблемы использования российскими банками облачных услуг зарубежных провайдеров. Lex Russica. 2019. № 3 (148). 108–115.
3. Карцхия А. А. «Облачные» технологии: российское и зарубежное законодательство и практика правоприменения // Мониторинг правоприменения. 2018. № 2. 36–41.
4. Полякова Т. А., Химченко А. И. Правовые проблемы обеспечения информационной безопасности при использовании облачных технологий // Правовая информатика. 2013. № 2. 12–16.
5. Примшиц Д., Голубев С. Китайский подход к ускоренному освоению технологий искусственного интеллекта // Наука и инновации. 2019. № 4. С. 43–50.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Общество с ограниченной ответственностью и непубличное акционерное общество (сравнительный анализ)

Лапаева Марина Алексеевна, студент магистратуры

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского

Развитие фундамента становления современного общества с ограниченной ответственностью (далее — ООО) и непубличного акционерного общества (далее — НАО) имеет многовековую историю, основанную как на опыте зарубежных стран, так и на отечественном опыте.

Впервые попытки к зарождению понятия и образованию «общества с ограниченной ответственностью» среди российской общественности были приняты в начале 90-х годов XX века и связано это с утверждением Положения об АО и ООО постановлением совета Министров СССР № 590 от 19.06.1990. Тем не менее, появлению ООО в привычном его прообразе обязано вступлению в действие первой части Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ). Именно с этого момента ранее существовавшая организационная правовая форма как товарищества с ограниченной ответственностью перестала существовать.

В свою очередь, понятие «непубличное акционерное общество» — это относительно новый феномен в России, который пришел на смену закрытому акционерному обществу в связи с принятием изменений в главу четвертую ГК РФ в 2014 году.

Суть практически осталась та же, изменилась терминология наименования формы юридического лица, которая неизбежно введет к преобразованию предприятия. Именно тут Российские предприниматели стали перед выбором как дальше осуществлять свою деятельность и какие расходы на реорганизацию необходимо понести... Так на законодательном уровне за предпринимателями возникла обязанность изменения наименования акционерного общества и оформления учредительных документов в соответствии с законом.

Оставалась также право закрытого акционерного общества на реорганизацию путем преобразования в ООО, что представляет собою форму наиболее простую, но схожую с привычными принципами ведения деятельности. Отсюда и возникает первичная необходимость в анализе и сравнении НАО и ООО.

Сегодня ООО и НАО — это наиболее распространенные коммерческие организационно-правовые образования, учреждение которых характерно для функционирования малого и среднего бизнеса.

Однако, деление юридических лиц на ООО и НАО как наиболее распространенных форм осуществления предпринимательской деятельности является не совсем корректной, поскольку данные образования занимают свое место в системе классификации хозяйственных обществ, установленных действующим гражданским законодательством. Объединяет их одна цель — это привлечение прибыли на основании вложения капитала и объединения лиц при осуществлении деятельности предприятия.

Нужно подчеркнуть, что существует несколько производных разделений акционерных обществ, которые могут быть публичными и непубличными акционерными обществами (соответственно ПАО и НАО). Если говорить о НАО, то этот вид обществ существенно отличается от других видов.

Юридические лица, которые создаются для ведения коммерческой деятельности, делятся на объединения капиталов (общества) и объединения лиц (товарищества). Такое разделение базируется на том, что участники товариществ, кроме имущественных вкладов, принимают непосредственное участие в делах товарищества [6 с. 104].

В ст. 48 ГК РФ отражено понятие юридического лица. В соответствии с указанной статьей, юридическое лицо представляет собой организацию, имущество которой обособлено. За любым юридическим предприятием закреплено право осуществлять материальные сделки, выступать в судебных органах, как в качестве истца, так и в качестве ответчика. Но наряду с этим, каждое юридическое лицо наделено гражданскими обязанностями. Говоря другими словами, в рассматриваемом контексте юридическое лицо следует рассматривать как один из видов организации [1 ст. 48].

В товариществах могут присутствовать менеджеры, но непосредственное управление организацией осуществляют непосредственно сами участники, которые находятся между собой в лично-доверительных отношениях. Каждый участник несет полную ответственность своим имуществом по долгам товарищества. Что касается обществ, то в таких организациях лично-доверительные отношения не являются обязательной характеристикой, управление обществом осуществляют не сами

участники, а органы, которые формируются для этих целей. Участники же общества решают наиболее важные вопросы. Такой механизм управления подразумевает многоступенчатую структуру. Основное, что требуется от участников — это внести взносы в уставной капитал.

Общества разделяются на несколько подвидов, так как они имеют определенный набор отличительных признаков. Они отличаются не только от товариществ, но и между собой. То есть такая категория юридических лиц, как общества, используют разные организационно-правовые формы, которые наиболее лучше подходят для ведения той или иной предпринимательской деятельности. В результате общества разделились на АО и ООО, после чего из первой категории в свою очередь выделились ПАО и НАО. Но здесь можно отметить, что такое разделение оправдано далеко не всегда. Речь идет, в том числе, о выделении НАО в отдельную категорию АО. В этой связи помимо различий НАО от ООО, следует проанализировать отличия ПАО и ООО [4 с. 13–22].

ПАО и ООО являются разными видами обществ, основное отличие которых заключается в следующем: первое отличие в том, что ПАО образуются для ведения крупного бизнеса, в котором используется сложная структура финансирования и управления. В структуре управления таких организаций должен присутствовать совет директоров, требования к уставному капиталу у них повышенные. ООО же используется чаще всего для ведения небольшого бизнеса, структура управления которым намного проще. Требования к минимальному размеру капитала таких организаций намного ниже, при этом совет директоров в структуре управления не обязательно должен присутствовать. Так как ПАО подразумевает ведение крупного бизнеса и масштабных инвестиций, то такой вид организации акционерного общества подразумевает возможность свободного приобретения акций общества на рынке широким кругом лиц. В ООО же количество акционеров намного меньше, так как небольшой масштаб бизнеса не нуждается остро в крупных инвестициях. Поэтому акции при такой форме организации общества может приобретать лишь ограниченный круг лиц.

Из-за этого в ПАО значительно усугубляются противоречия между менеджерами и акционерами. Поэтому регулирование отношений в таком обществе осуществляется чаще всего с помощью авторитарных методов. В ООО же ситуация складывается другая, так как такие противоречия встречаются достаточно редко.

Еще одна важная особенность ПАО в том, что акции такого общества свободны. Это говорит о том, что данное общество является открытым. В соответствии с действующим законодательством РФ, данные о деятельности ПАО подлежат публичному раскрытию. Акционер ПАО вправе продать свои акции другому акционеру или любому желающему лицу. При этом запрет на отчуждение акций, обязательного согласия акционеров на продажу акций, обязательного выкупа акций непосредственно публичным акционерным обществом не могут устанавливаться.

На основании сказанного выше, можно сделать вывод, что у публичного акционерного общества состав участников может свободно меняться, законодательного запрета на данную деятельность не установлены. Таким образом, состав ПАО может постоянно меняться, нельзя «закрыть» состав участников такого образования. В ООО же наблюдается совершенно другая ситуация как с вопросом раскрытия информации, так и с возможностью ограничивать изменения состава участников.

Например, в законодательстве не закреплено обязательство ООО публичного раскрытия информации об обществе, кроме той, что содержится в ЕГРЮЛ. Также стоит отметить, что на законодательном уровне прописаны механизмы «закрытия» ООО, что полностью отвечает характеру ООО как формы ведения не крупного бизнеса. В ООО может быть закреплено преимущественное право на покупку другими участниками (самим обществом) доли ООО. Также устанавливается запрет на продажу акций общества третьим лицам.

Рассмотрев отличия ПАО и ООО, то можно сделать вывод, что НАО имеет мало общего с ПАО, кроме содержащихся в обоих названиях словосочетания «акционерное общество». По своему правовому режиму НАО намного ближе к ООО, настолько ближе, что фактически сливается с ним в правовом регулировании, нивелируя свое значение [5 с. 89–91].

Общество с ограниченной ответственностью является коммерческим обществом, деятельность которого осуществляется согласно уставу.

Стоит отметить, что требования к содержанию устава предусмотрены статьей 12 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» Устав должен содержать установленные законодателем обязательные сведения, в том числе сведения о наименовании, месте нахождения общества, его структуре, компетенции органов управления, вопросы, содержащие порядок перехода доли другим лицам и иные сведения, установленные Федеральным законом «Об обществах с ограниченной ответственностью», а так же положения, которые вносят учредители общества по своему решению, не противоречащие действующему законодательству [2 ст. 12].

Кроме того, законодателем в Приказе Минэкономразвития России от 01.08.2018 № 411 разработаны типовые формы уставов [3 ст. 1], которыми общества смогут руководствоваться после вступления в силу указанного приказа и внесения в единый государственный реестр юридических лиц сведений о принятии решения о применении типовой формы устава.

Предприятие также создается от одного лица и более, с уставным капиталом от 10000 рублей, при участии двух и более участников уставной капитал разделяется на доли. Но ответственность по обязательствам в данной форме ограничена внесенным уставным капиталом участника. Также участник может реализовать свою долю другому участнику, и претендовать на часть имущества, которая соответствует его доли.

Очевидно, регулирование непубличных АО склоняет участников оборота к использованию этой формы в предпринимательской деятельности средних масштабов. В частности, минимальный уставный капитал НАО — 10 000 рублей, что аналогично ООО.

Как справедливо отмечает, единственным главным отличием ООО от НАО является способ формирования уставного капитала: уставный капитал ООО состоит из долей участников, а в АО — из акций [7 с. 125–130].

Наличие совета директоров в НАО не предусмотрено в том случае, если наличие участников общества не превышает пятидесяти, что аналогично условиям и ООО.

Как мы отмечали, ПАО имеет свойство «открытости», что не присуще ООО и НАО, в данном плане данные общества также имеют сходство в области непубличности.

НАО, так же, как и ООО, не подходит для концентрации и привлечения крупных инвестиций для ведения предпринимательской деятельности.

Представляется, что на сегодняшний день отсутствует объективная необходимость существования непубличных акционерных обществ отечественном праве, так как НАО мало незначительно отличаются от ООО, что также довольно часто находит отражение и в законодательном регулировании. Функции ООО и НАО практически идентичны, что говорит о том, что они копируют «функции» друг друга. Безусловно, различия в деятельности ООО и НАО все же присутствуют, они выражены в:

- способе формирования уставного капитала: НАО заочно признается любое акционерное общество, согласно уставу которого наименование общества не содержит термин «публичное», а значит данное общество не размещает акции и эмиссионные бумаги, конвертируемые в его акции, посредство открытой подписки среди неограниченного круга лиц.

Отсюда и основное различие, поскольку капитал ООО состоит из долей, которые не являются ценными бумагами, на отношения ООО не распространяются законы о рынке ценных бумаг и о защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг.

- характере отношений между участниками более закрытый: например, уставом ООО можно полностью исключить или ограничить принятие новых участников путем запрета отчуждения доли другим лицам или получение согласия на отчуждение от других участников.
- правах акционеров: в НАО устанавливаются видом принадлежащим акций, в ООО устанавливаются уставом, а также общим собранием участников.
- в регистрации общества: ООО считается зарегистрированным с момента внесения записи в ЕГРЮЛ, с этой же даты вправе осуществлять предпринимательскую деятельность, в свою очередь, создание акционерного общества предполагает обязательный выпуск акций и их распределение.
- ответственность: в НАО ответственность акционеров устанавливается пропорционально стоимости принадлежащих акционерам акций, в ООО же ответственность участников устанавливается пропорционально долям, внесенных в уставной капитал общества.
- формирование дохода: в ООО участники имеют право на распределение прибыли пропорционально своей доле в уставном капитале, в НАО акционер получает дивиденды на акцию.

Данные незначительные различия, которые существуют между ними, действительно не являются существенными, но что важнее — они не продиктованы какими-либо объективными целями и причинами, по которым следовало бы в том или ином случае вводить иное правило и создавать новые правовые институты.

Таким образом, ООО и НАО являются традиционными формами осуществления предпринимательства. Стоит отметить, что на практике предприниматели при осуществлении своей деятельности отдают выбор созданию юридического лица в форме ООО, так как процесс регистрации такого общества намного проще, полномочия и взаимодействие участников устанавливается уставом, в которой в любой момент могут быть внесены изменения.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Федеральный закон от 08.02.1998 N 14-ФЗ (ред. от 02.07.2021, с изм. 25.02.2022) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Российская газета. 1998.. № 30.
3. Приказ Минэкономразвития России от 01.08.2018 № 411 «Об утверждении типовых уставов, на основании которых могут действовать общества с ограниченной ответственностью» (Зарегистрировано в Минюсте России 21.09.2018 № 52201). Доступ из справ.-правов. системы «КонсультантПлюс».
4. Долинская В. В. Организационно-правовые формы хозяйствования: система и новеллы // Журнал российского права. 2019. № 1 (229). С. 13–22.
5. Козловский, М. С. НАО и ООО: соотношение и анализ необходимости сосуществования / М. С. Козловский. // Молодой ученый. 2021. № 8 (350). С. 89–91.
6. Кулакова В. В. Юридические лица: учебник для вузов / В. В. Кулаков. Москва: Издательство Юрайт, 2021. С. 104.
7. Сторожева А. Н., Дадаян Е. В. К вопросу о деятельности публичных и непубличных обществ: Российский и зарубежный опыт // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2018. № 4 (10).

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Обязательные наследники при наследовании по завещанию

Баюрова Екатерина Андреевна, помощник нотариуса (г. Мурманск)

По российскому законодательству наследование имущества умершего гражданина осуществляется по следующим основаниям: по завещанию, по наследственному договору и по закону (статья 1111 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Наследование по закону имеет место, когда и поскольку оно не изменено завещанием, а также в иных случаях, установленных Гражданского кодекса Российской Федерации. В соответствии со статьей 1119 Гражданского кодекса Российской Федерации свобода завещания имеет определенное ограничение по распоряжению наследодателем всем своим имуществом, которое направлено на защиту прав определенной категории граждан. Речь идет об обязательной доле в наследстве. То есть, если нет завещания или наследственного договора, имущество наследуется по закону согласно очередности наследников в соответствии со статьей 1141 ГК РФ. Если же имеется завещание или наследственный договор, то получить наследство могут не только те, кто в нем указан, но и ряд лиц, имеющих на это законное право (ст. 1149 ГК РФ).

Кто имеет право на обязательную долю в наследстве?

В соответствии со статьей 1149 Гражданского кодекса Российской Федерации право на обязательную долю в наследстве имеют:

1. Несовершеннолетние или нетрудоспособные дети умершего, в том числе усыновленные;
2. Нетрудоспособные супруги и родители наследодателя. Также рассчитывать на получение обязательной доли в наследстве могут нетрудоспособные усыновители умершего гражданина;
3. Иждивенцы наследодателя, которые делятся на две группы:
 - первая группа — законные наследники с признанной нетрудоспособностью на день смерти завещателя. Они должны находиться на иждивении наследодателя не менее года, при этом совместное проживание с наследодателем не обязательно;
 - вторая группа — иждивенцы, которые не относятся к наследникам по закону, но являлись нетрудоспособными на день смерти наследодателя не менее года и совместно проживали с ним.

Верховный суд в пункте 32 Постановления от 29 мая 2012 г. N 9 «О судебной практике по делам о наследо-

вании», разъяснил, что находившимся на иждивении наследодателя может быть признано лицо, получавшее от умершего в период не менее года до его смерти, вне зависимости от родственных отношений, полное содержание или такую систематическую помощь, которая была для него постоянным и основным источником средств к существованию, независимо от получения им собственного заработка, пенсии, стипендии и других выплат. Факт нахождения на иждивении наследодателя подтверждается нотариусу решением суда.

Нетрудоспособными по возрасту считаются:

- граждане моложе 18 лет;
- женщины старше 55 лет и мужчины старше 60 лет;

При этом лица, за которыми сохранено право на досрочное назначение трудовой пенсии по старости, к нетрудоспособным не относятся;

- нетрудоспособными по состоянию здоровья признаются инвалиды I, II, III групп, в том числе инвалиды детства;

- лица, вступившие в брак до достижения 18 лет, а также эмансипированные лица, хотя и приобретают полную дееспособность, тем не менее имеют право на обязательную долю, если к моменту открытия наследства не достигли 18 лет.

Необходимо отметить, что указанный выше перечень обязательных наследников сформулирован в законе исчерпывающе и расширительному толкованию не подлежит.

Нетрудоспособный гражданин — получатель ренты по договору пожизненного содержания с иждивением, заключенному с наследодателем — плательщиком ренты (статья 601 ГК РФ), не наследует по закону в качестве иждивенца наследодателя.

Размер обязательной доли зависит от того, когда было удостоверено завещание. Для завещаний, удостоверенных нотариусом после 01 марта 2002 года, размер обязательной доли в наследстве независимо от содержания завещания составляет не менее половины доли от того, что наследник мог бы получить при наследовании по закону.

Если завещание совершено до 01 марта 2002 года, круг обязательных наследников и размер обязательной доли определяются по правилам ст. 535 Гражданского кодекса

РСФСР. В этом случае обязательная доля наследника составит не менее 2/3 доли от того наследственного имущества, которое причиталось бы наследнику, если бы он наследовал по закону.

Согласно пункту 4 статьи 1149 Гражданского кодекса Российской Федерации если осуществление права на обязательную долю в наследстве повлечет за собой невозможность передать наследнику по завещанию имущество, которым наследник, имеющий право на обязательную долю, при жизни наследодателя не пользовался, а наследник по завещанию пользовался для проживания (жилой дом, квартира, иное жилое помещение, дача и тому подобное) или использовал в качестве основного источника получения средств к существованию (орудия труда, творческая мастерская и тому подобное), тогда суд может с учетом имущественного положения наследников, имеющих право на обязательную долю, может уменьшить размер обязательной доли или отказать в ее присуждении. И все же приоритетное значение имеет удовлетворение прав на обязательную долю в наследстве.

При определении размера обязательной доли в наследстве следует:

- исходить из стоимости всего наследственного имущества (как в завещанной, так и в незавещанной части), включая предметы обычной домашней обстановки и обихода,
- принимать во внимание всех наследников по закону, которые были бы призваны к наследованию данного имущества (в том числе наследников по праву представления), а также наследников по закону, зачатых при жизни наследодателя и родившихся живыми после открытия наследства (пункт 1 статьи 1116 ГК РФ).

В первую очередь право на обязательную долю в наследстве удовлетворяется из оставшейся незавещанной части наследственного имущества, даже если это приведет к уменьшению прав других наследников по закону на эту часть имущества, а при недостаточности незавещанной части имущества право на обязательную долю удовлетво-

ряется из той части имущества, которая завещана (пункт 2 ст. 1149 ГК РФ). При этом необходимо иметь в виду, что требования о первоочередном удовлетворении права на обязательную долю в наследстве за счет завещанного имущества при достаточности незавещанного имущества (даже при наличии согласия наследников по завещанию) удовлетворению не подлежат (подпункт г пункта 32 Постановления Верховного суда от 29 мая 2012 г. N 9 «О судебной практике по делам о наследовании»).

Если наследнику, имеющему право на обязательную долю в общем имуществе наследодателя, причитается доля при наследовании по закону или по завещанию равная обязательной доле или превышающая ее, в таком случае правила об обязательной доле в наследстве, содержащиеся в ст. 1149 ГК РФ не применяются.

Наследник, который относится к категории обязательных имеет право как принять обязательную долю в наследстве, так и отказаться от реализации своего права. Отказ от обязательной доли в наследстве возможен только безусловный. Поскольку право на обязательную долю носит личный характер, то отказаться от ее наследования в пользу другого наследника не допускается (п. 1 ст. 1158 ГК РФ). Если обязательный наследник является несовершеннолетним, недееспособным или ограниченно недееспособным, такой отказ допускается с предварительного разрешения органа опеки и попечительства.

Вследствие личного характера права на обязательную долю она не может переходить к третьим лицам в порядке наследования (в том числе в порядке наследственной трансмиссии — п. 3 ст. 1156 ГК). Наследник, имеющий право на обязательную долю в наследстве, при его осуществлении не может отказаться от наследования по закону незавещанной части имущества (пункт 2 статьи 1149 ГК РФ).

Таким образом, в случае недостаточности незавещанного имущества, обязательный наследник может воспользоваться своим правом на получение доли наследства при наличии завещания или наследственного договора.

Литература:

1. Текст: электронный // RG: [сайт]. — URL: <https://rg.ru/2012/06/06/nasledovanie-dok.html> (дата обращения: 30.01.2022).
2. Текст: электронный // Гарант: [сайт]. — URL: <http://www.gk-rf.ru/statia1149> (дата обращения: 27.01.2022). <http://www.gk-rf.ru/statia1149>
3. Текст: электронный // РБК: [сайт]. — URL: <https://realty.rbc.ru/news/601cdac29a79475a758d8ef4> (дата обращения: 27.01.2022).
4. Статья Логиновой К. Ю., доцента кафедры государственно-правовых и гражданско-правовых дисциплин Новокузнецкого института (филиал) Кемеровского государственного университета, кандидат наук — «Наследственный договор — правовые механизмы применения в действующем законодательстве РФ».

К вопросу об обеспечительной функции неустойки в российском и зарубежном праве

Куликов Всеволод Валерьевич, аспирант

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

В статье автор рассматривает понятие и значение неустойки как способа обеспечения исполнения обязательств, проводит сравнительно-правовой анализ обеспечительной функции неустойки в российском праве, праве Германии и Франции. В качестве основных источников используется Гражданский кодекс РФ, Гражданский кодекс Франции, Германское гражданское уложение, Германское торговое уложение. Рассматриваются спорные вопросы на основе правовой доктрины, российской и зарубежной правоприменительной практики. Выделяются как схожие черты данного правового института, в части использования обеспечительной функции, так и приводятся существенные различия, в частности, Российская модель неустойки предлагает для сторон обязательства больше вариантов поведения в зависимости от сложившихся между ними правоотношений.

Ключевые слова: неустойка, обеспечение, обеспечительная функция, обязательство, ГК РФ, ФГК, ГГУ, ГТУ, исполнение обязательств, ответственность, правоотношения, твердые убытки, убытки, снижение неустойки, баланс интересов сторон, гражданско-правовая ответственность, восстановление нарушенных прав.

На сегодняшний день институт неустойки в законодательстве Российской Федерации занимает одну из центральных позиций в перечне способов обеспечения исполнения обязательств субъектами гражданских правоотношений.

В российской правовой доктрине учеными-правоведами выделяются определенные черты присущие неустойке. Так, например, О. С. Иоффе писал, что для нее характерны: predeterminedность размера ответственности за нарушение обязательства, о котором стороны знают уже на момент заключения договора; возможность взыскания неустойки за сам факт нарушения обязательства, когда отсутствует необходимость представления доказательств, подтверждающих причинение убытков и их размер; возможность для сторон по своему усмотрению формулировать условие договора о неустойке (за исключением законной неустойки) [1 с. 154]. Аналогичной позиции придерживался и М. И. Брагинский, который дополнительно указывал на то, что формирование сторонами условий о неустойке есть не что иное, как ее приспособление к конкретным взаимоотношениям сторон [2 с. 403].

Рассматривая неустойку через призму законодательства РФ, стоит сказать о том, что она имеет несколько функций, при этом, основной будет являться функция обеспечительная. Данной позиции придерживаются и ряд ученых, которые указывают, что при первом приближении главное, что ее характеризует, — так это ее значение как меры обеспечения обязательства, на что и указывается в п. 1 ст. 329 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) [3 с. 40], а также, что она выступает в качестве наиболее применяемого — самостоятельно или в сочетании с другими мерами — способа обеспечения обязательства [4 с. 165]. Сама по себе неустойка есть дополнительная санкция по отношению к должнику в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения им, принятых на себя обязательств, основной (общей) же санкцией в данном случае будет являться возмещение убытков, понесенных кредитором [5 с. 45]. Дополнительное обеспечительное значение неустойки в сравнении с основной санкцией в виде возмещения убытков будет проявляться

в ряде признаков. Во-первых, обращаясь к положениям ст. 393 [6] ГК РФ можно сделать вывод, что взыскание убытков будет возможно лишь, в случае если они действительно имели место, а в случае взыскания такого вида убытков как упущенная выгода, будут учитываться предпринятые кредитором для ее получения меры и сделанные с этой целью приготовления. Неустойка же взыскивается независимо от наличия убытков, для ее истребования достаточно лишь направления кредитором требования о ее уплате в адрес должника, с указанием факта неисполнения/ненадлежащего исполнения обязательства и ссылкой на установленную сторонами санкцию. Во-вторых, определить размер убытков будет возможно только после уже свершившегося факта неисполнения обязательства. Размер и случаи взыскания неустойки определяется сторонами заранее, что в свою очередь, значительно повышает возможность наступления неблагоприятных последствий в виде имущественных потерь для должника. Кредитор может в любой момент взыскать сумму неустойки, ему не нужно будет ждать возникновения самих убытков, ни определения точного их размера.

В российской судебной практике прослеживается четкая позиция, что неустойка есть способ обеспечения исполнения обязательств. Данную правовую позицию высказал Конституционный Суд РФ в своем Определении [7], Высший Арбитражный Суд в Постановлении Президиума ВАС РФ [8], а также, Верховный Суд РФ, который дополнительно указал, что она является одним из таких способов, но ее применение возможно только в установленных законом или договором случаях [9]. Важно отметить, что неустойка как способ обеспечения исполнения обязательств должна компенсировать кредитору расходы или уменьшить неблагоприятные последствия, возникшие вследствие ненадлежащего исполнения должником своего обязательства перед кредитором [10].

Некоторыми учеными-правоведами было высказано мнение, что неустойка должна расцениваться только как мера гражданско-правовой ответственности, как санкция [11 с. 29], а некоторыми в целом отрицается обеспечительная функция неустойки [12

с. 420–421]. Такие правовые позиции будут не совсем верными по ряду причин. Во-первых, критерий, по которому неустойка признается способом обеспечения исполнения обязательств является цель, которая преследуется данным правовым институтом в сфере имущественных отношений, а не степень обеспеченности или гарантированности требования о взыскании непосредственно неустойки. Во-вторых, субъекты договорных правоотношений вправе свободно установить обеспечение исполнения обязательства по уплате неустойки как исполнения по отдельно взятому обязательству, например, залогом или поручительством, но не обеспечение ее взыскания, поскольку последнее является прерогативой государства. Основными аргументами в пользу необходимости выделения ее обеспечительной функции, является следующие. Во-первых, к механизму восстановления имущественных прав, который предлагается неустойкой, стороны прибегают задолго до наступления момента нарушения обязательства, а не после него, что в свою очередь, является характерной чертой ответственности, и, во-вторых, именно эта функция неустойки позволяет обеспечить определенность размера предполагаемой ответственности для сторон уже к моменту нарушения обязательства, и согласие должника эту ответственность нести, что также обуславливает отсутствие у кредитора обязанности доказывать размер понесенных им убытков.

Вышеизложенные аргументы позволяют с полной уверенностью говорить о том, что неустойка в российском праве является полноправным институтом, направленным на обеспечение исполнения договорных обязательств.

Говоря о законодательстве Франции, в частности, обращаясь к положениям Раздела VI Гражданского кодекса Франции (далее — ФГК) [13], можно говорить о том, что по французскому праву неустойка — наиболее распространенный способ обеспечения обязательств, который представляет собой некую денежную сумму, которую должник обещает уплатить кредитору в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств, в том числе и в случае просрочки исполнения. Е. Годэмэ указывает на то, что «штрафные оговорки» в ФГК являются своеобразным способом договорного определения убытков [14 с. 395], при этом, важно сказать о том, что обязанность уплатить неустойку возникает только в случае, если должник отвечает за данное нарушение согласно правилам об основаниях привлечения к ответственности [15 с. 147].

Согласно французскому праву неустойке присущи две основные черты: она заменяет собой возмещение убытков; устанавливается в твердой денежной сумме («твердые» убытки). Ее главное назначение — освобождение кредитора от обязанности доказывать размер убытков, причиненных ему нарушением договорного обязательства. Она является возмещением за убытки, которые кредитор терпит вследствие неисполнения основного обязательства, и если по соглашению сторон сторона — нарушитель обязательства должна уплатить

другой стороне определенную сумму в качестве компенсации убытков, требовать уплаты неустойки уже нельзя.

По общему правилу если должником произведена компенсация убытков, посредством уплаты неустойки, то требование об исполнении основного обязательства не может быть предъявлено кредитором (ст. 1229 ФГК), исключением будет являться, если неустойка была установлена на случай просрочки исполнения. Российский законодатель по данному вопросу придерживается несколько иной позиции, так в силу положений ст. 396 ГК РФ уплата неустойки и возмещение убытков в случае ненадлежащего исполнения обязательства не освобождают должника от исполнения обязательства в натуре, если иное не предусмотрено законом или договором. Общая концепция законодательства Российской Федерации в части обязательств предусматривает исполнение обязательства в натуре, иными словами, в виде совершения именно тех действий, которые в силу обязательства и должны быть совершены должником. Если обязательство исполнено должником ненадлежаще, то, очевидно, он должен исправить положение, и, соответственно, нет оснований для освобождения неисправного должника от ответственности. Он должен уплатить предусмотренную законом или договором неустойку, а также возместить убытки. В случае же, когда обязательство вовсе не исполняется должником, но он возмещает убытки кредитора, то кредитор получает своего рода аналог исполнения. В данном случае идет сохранение баланса интересов сторон, и как пишет Б. М. Гонгало, учитывая законы рыночной экономики, можно сделать вывод, что кредитор в этом случае ничего не теряет [16 с. 38]. В французской правовой доктрине же сформировалась позиция, что неустойка заранее определяет размер убытков на случай нарушения обязательства [17 с. 83–84]. При определении штрафа за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства, стороны заранее учитывают вероятные имущественные последствия неисправного поведения. ФГК содержатся положение, согласно которым во всех случаях, независимо от принудительного исполнения обязательства, при наличии у кредитора убытков предоставляется возможность их взыскания (ст. 1142, 1146–1155, 1611 ФГК). Так, ст. 1142 ФГК гласит, что всякое обязательство сделать или не делать что-либо приводит к возмещению убытков в случае неисполнения должника. Французское право не обуславливает возможность взыскания убытков необходимостью первоначально исполнить обязательство в натуре. В связи с вышеизложенным, формируется вывод, что российские законодательство, в отличие от французского, предлагает больше вариантов поведения для сторон обязательства в зависимости от сложившейся ситуации.

Еще одним немаловажным аспектом при сравнительно-правовом анализе неустойки в Российской Федерации и Франции является ее соотношение с понесенными одной из сторон убытками. В российском праве по общим правилам взысканию подлежит зачетная неустойка, а исключительная есть лишь исключение из общего правила.

Во французском праве (ст. 1152 ФГК) ситуация противоположная, неустойка в соответствии с ФГК приобретает значение заранее исчисленных убытков. Такое жесткое правило, установленное французским законодателем, может влиять как на интересы должника, так и на интересы кредитора, в зависимости от соотношения размера убытков и неустойки. Ввиду того, что подчас установленная сторонами неустойка может в значительной степени превышать размер причиненных убытков, была проведена реформа положений, касающихся неустойки [18] [19], в ст. 1152 ФГК была введена возможность для судьи уменьшать или увеличивать размер неустойки, если она явно несоразмерна последствиям нарушения обязательства. Сопоставляя вышеизложенное с положениями ст. 333 ГК РФ усматривается, что в отличие от французского права, по российскому праву суд может лишь уменьшить размер неустойки. Однако не следует забывать, что и кредитор по российскому праву поставлен в более выгодное положение, поскольку он, как правило, может взыскать сумму убытков, превышающую неустойку, доказав их размер, тогда как по французскому праву он ограничен правилом об исключительном характере неустойки (абз. 1 ст. 1152 ФГК). Однако как по французскому, так и по российскому праву положительным для кредитора моментом является отсутствие необходимости доказывать размер убытков для взыскания неустойки. Хотя и во французской доктрине признается, что неустойка придает больше уверенности в исполнении обязательства, в российском праве обеспечительная функция неустойки получила особое признание законодателя, который поместил ее в главу 23 «Способы обеспечения исполнения обязательства» (в то время как в действующем ФГК нормы о неустойке находятся в разделе об убытках).

Таким образом, несмотря на схожесть институтов неустойки в Российской Федерации и Франции, французское законодательство в большей степени через этот правовой институт реализует функцию неустойки как меры гражданско-правовой ответственности, хотя и обеспечительная функция, безусловно, имеет место.

Переходя к анализу законодательства Германии, в том числе рассматривая обязательственное право, можно увидеть, что в современном германском праве институт неустойки выполняет как функцию давления на неисправного должника, так и функцию возмещения возможных убытков кредитора [20 с. 642]. Согласно ст. 339 Германского гражданского уложения (далее — ГГУ) [21] в случае нарушения должником своих обязательств он обязуется уплатить кредитору согласованную сторонами денежную сумму. В соответствии со ст. 342 ГГУ неустойка может быть выражена не только в виде денежной суммы, но и в виде иного имущественного предоставления. Эта обязанность носит характер акцессорного обязательства и следует правовой судьбе основного обязательства (ст. 344 ГГУ).

Согласно германской судебной практике, для того чтобы кредитор получил право на взыскание неустойки, ему не нужно доказывать ни размер понесенных убытков,

ни сам факт наличия у него каких-либо убытков. При причинении убытков в большем по сравнению с неустойкой размере, кредитор вправе потребовать взыскания неустойки в качестве минимума убытков и довысказать разницу. При несоразмерности неустойки суд может снизить ее «до соответствующего размера» (ст. 343 ГГУ). Условием же такого снижения будет являться ходатайство должника, аналогичный подход нашел свое отражение и в ГК РФ (п. 1 ст. 333). По собственной инициативе, в отличие от ФГК, осуществить снижение суд не вправе. Особенностью Германии также является то, что согласно Германскому торговому уложению (далее — ГТУ) [22] в отношениях между предпринимателями снижение неустойки не представляется возможным (ст. 348). Наличие специального предписания в ГТУ на этот счет не означает, что любые договорные условия о неустойке в коммерческих контрактах будут автоматически признаваться в судах. Например, на практике в случае явной и «ужасной» несоразмерности неустойка может быть подвергнута пересмотру в суде путем применения положений о добросовестности сторон (ст. 242 ГГУ) [23 с. 201], при помощи которых обходится запрет на ее снижение в коммерческой практике. Из этого можно сделать вывод о том, что правило о невозможности снижения неустойки, будучи утвержденным в ГТУ в таком безапелляционном виде, признается не совсем состоятельным.

При разговоре о сочетании требования об исполнении обязательства в натуре и неустойки, ГГУ разрешает этот вопрос в зависимости от интереса, который она обеспечивала. Рассматривая в совокупности ст. 340 и п. 1 ст. 341 ГГУ прослеживается следующая позиция, при предъявлении кредитором требования о взыскании неустойки, установленной на случай неисполнения обязательства вообще, он лишает себя права требовать такое исполнение в натуре, а при предъявлении такого требования в случае ненадлежащего исполнения, такое право у кредитора сохраняется. В этом отношении позиция германского законодателя напрямую схожа с позицией, закрепленной в ГК РФ и подкрепленной российской судебной практикой.

Важной особенностью ГГУ является то, что если неустойка была установлена на случай просрочки или ненадлежащего исполнения, а исполнение, пусть и с определенными нарушениями должником было произведено и принято кредитором, то чтобы сохранить право на ее взыскание, кредитор должен письменно оставить за собой такое право. В ином случае, при принятии дефектного исполнения и отсутствия вышеуказанной оговорки, такое право у него утрачивается. Российский законодатель, как было сказано выше, установил различные правовые последствия нарушения обязательства в зависимости от того, является ли оно неисполненным или ненадлежаще исполненным. Вместе с тем, ненадлежащим исполнением может быть как просрочка исполнения, так и совершение должником дефектного исполнения. Статья 396 ГК РФ не конкретизирует эти основания и не прибегает к их делению, что позволяет сделать вывод о том, что оба этих нарушения влекут одинаковые правовые

последствия. Что касается вопроса о влиянии неустойки за дефектное исполнение на возможность требовать исполнения в натуре, то французский законодатель во всех случаях взыскания неустойки за ненадлежащее исполнение обязательств (кроме просрочки) исключает требование реального исполнения (ст. 1229 ФГК), так как презюмирует, что неустойка за ненадлежащее исполнение с точки зрения обеспечиваемого ею результата нарушения носит характер восполнительной санкции.

На основании вышеизложенного можно сформировать логичный вывод, что институт неустойки в Российской Федерации, Франции и Германии имеет как ряд схожих черт, первостепенно это обусловлено отнесением вышеуказанных стран к романо-германской правовой семье, а как следствие, и общим подходом при формировании источников правового регулирования данного института, так и определенные различия. Как было выяснено, различия возникают ввиду разных

целей государства при таком регулировании. Российским правом во главу угла ставится непосредственно само исполнение обязательства в натуре, неустойка же в данном случае будет своеобразным «рычагом», побуждающим стороны к надлежащему исполнению обязательства, а как следствие, прослеживается ее явная обеспечительная функция. Схожую позицию занимает и германский законодатель, однако, важно помнить о существовании специального источника правового регулирования предпринимательских правоотношений — Германского торгового уложения, которое вносит свои коррективы, в том числе и по вопросам, связанным с неустойкой. Во Франции же, рассматриваемый институт в большей степени направлен на восстановление имущественного положения и сохранения баланса интересов сторон, что характеризует функцию неустойки как меры гражданско-правовой ответственности, хотя и обеспечительная функция, безусловно, имеет место.

Литература:

1. Обязательственное право // Иоффе О. С. — М.: Юрид. лит., 1975. — 880с.
2. Научно-практический комментарий к части первой Гражданского кодекса Российской Федерации для предпринимателей // Брагинский М. И., Брагинский М. И., Витрянский В. В., Звеков В. П., и др.; Под общ. ред.: Карпович В. Д.; Алф.-предм. указ.: Шилохвост О. Ю.. — 2-е изд., доп. и перераб. — М.: Спарк, Хозяйство и право, 1999. — 736с.
3. Неустойка как средство защиты прав кредитора в российском и зарубежном праве. // Карапетов А. Г. — М.: Статут, 2005. 286с.
4. Беляева О. А. Предпринимательское право: Учебное пособие // Под ред. члена Научно-консультативного совета при Высшем Арбитражном Суде РФ, профессора Ляндреса В. Б. — М., Юридическая фирма «КОНТРАКТ»: «ИНФРА-М», 2011. — 271с.
5. Российское гражданское право. В 2 т. Т. 2. Обязательственное право: Учебник / Отв. ред. Е. А. Суханов. — 4-е изд., стер. — Москва: Статут, 2015. — 1208с.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Российская газета. № 238–239. 08.12.1994.
7. Определение Конституционного Суда РФ от 23.06.2016 № 1365-О // Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы КонсультантПлюс.
8. Постановление Президиума ВАС РФ от 13.10.2011 № 5531/11 по делу № А43–7693/2010 // Вестник ВАС РФ. 2012. № 2.
9. Определение Верховного Суда РФ от 09.08.2002 № 33-В02пр-7 // Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы КонсультантПлюс.
10. Постановление Президиума ВАС РФ от 15.07.2014 № 5467/14 по делу № А53–10062/2013 // Вестник ВАС РФ. 2014. № 11.
11. Гражданское право: В 2 т. Том II.: Учебник // Отв. ред. проф. Е. А. Суханов. — 4-е изд., перераб. и доп. М.: Статут М, 2016. 720с.
12. Гражданское право: Учебник для вузов. Часть первая // Под общ. ред. Т. И. Илларионовой, Б. М. Гонгалю, В. А. Плетнева. М.: Норма, Инфра-М, 1998. 464с.
13. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) от 21.03.1804 // Инфотропик Медиа. 2012. 800с.
14. Общая теория обязательств. Перевод с французского // Годэмэ Е.; Пер.: Новицкий И. Б. — М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. — 511с.
15. Ответственность в коммерческом обороте / Комаров А. С. — М.: Юрид. лит., 1991. — 206с.
16. Гражданское право: учебник: в 2 т. // О. Г. Алексеева, Е. Р. Аминов, М. В. Бандо и др.; под ред. Б. М. Гонгалю. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2018. Т. 2. 357с.
17. Французский гражданский кодекс. Перевод с французского / Науч. ред.: Лавров Д. Г.; Пер.: Жукова А. А., Пашковская Г. А. — СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. — 1101с.
18. Loi N 75–597 du 9 juill. 1975. MODIFIANT LES ART. 1152 ET 1231 DU CODE CIVIL SUR LA CLAUSE PENALE // URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000000699397> (дата обращения: 30.04.2022).

19. Loi N 85–1097 du 11 oct. 1985. relative à la clause pénale et au règlement des dettes // URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000692969> (дата обращения: 30.04.2022).
20. Cases, Materials & Texts on Contract Law (Casebooks on the Common Law of Europe) // Beale H., Kotz H., Hartkamp A., Tallon D. 2002. P. 869.
21. Бергманн В. сост. Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению — 4-е изд., перераб. / В. С. Бергманн. — Москва: Инфотропик Медиа, 2015. — 888 с.
22. Handelsgesetzbuch. // URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/hgb/index.html>. (дата обращения: 30.04.2022).
23. Principles of European Contract Law. Part I and II. Prepared by the Commission on European Contract Law. Edited by O. Lando and H. Beale // Kluwer Law Int., The Hague, 2000. P. 456.

К вопросу о понятии ветеринарной услуги

Рыхлов Алексей Андреевич, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Статья посвящена теоретической разработке понятия «ветеринарная услуга» с точки зрения закрепления её основных признаков в российском законодательстве. Исследуются общие черты, присущие понятию «услуга» и особенности применительно к услугам ветеринарным. Приводятся предлагаемые в доктрине определения понятия «ветеринарная услуга» и даётся авторское определение этого понятия.

Ключевые слова: ветеринарные услуги, услуга в гражданском праве.

Понятие «ветеринарная услуга» в законодательстве на раскрывается, хотя и используется в нормативных актах. Так, ветеринарные услуги называются среди прочих в ст. 779 ГК РФ, предполагающей распространение правового режима возмездного оказания услуг в том числе на ветеринарные услуги. Действующий Общероссийский классификатор продукции по видам экономической деятельности предусматривает продукцию ветеринарных услуги (вид 75, раздел М [6]). Наконец, данное понятие является основным в Постановлении Правительства РФ от 06.08.1998 г. № 898 «Об утверждении правил оказания платных ветеринарных услуг» [7]. Однако ни один из вышеуказанных актов не содержит дефиницию рассматриваемой категории. Разработка определения понятия «ветеринарные услуги» ложится на плечи доктрины.

Ветеринарные услуги, будучи частью общего понятия «услуга», обладают всеми признаками и свойствами последнего: отсутствием овеществлённого результата, неделимостью услуги от источника, эксклюзивностью, возмездностью, невозможностью гарантии результата и некоторыми иными, но с особенностями.

Так, отсутствие вещественной формы предоставления — основной критерий услуг, позволяющий их отделять от другого объекта гражданских прав — выполнения работ — в научной литературе вызывает дискуссии, суть которых в том, является ли данный критерий основным, иными словами, правильно ли отделять услуги от работ по результату? Так, например, Д. И. Степанов считает, что правильнее говорить не о результате, а об эффекте услуг, который «воспринимается на уровне чувств» [8, 16]. Схожую мысль высказывает и Е. А. Суханов, отмечая, что оказание услуг заканчивается «известным полезным эффектом, причем необязательно овеществлённого характера» [2, 337]. В целом же названные учёные настаивают

на том, что существенным признаком, который отличает услуги от работ, выступает сам процесс оказания услуги, т. е. содержание правоотношения в виде взаимодействия субъектов. В отдельных случаях результат оказания ветеринарных услуг существует в виде материального объекта. Например, к платным ветеринарным услугам, согласно Правилам, относится кремация, после которой остаётся прах животного: как бы цинично это ни прозвучало — результат услуги, который сложно назвать её эффектом.

Невозможность гарантии результата оказания ветеринарной услуги обусловлена тем, что он по общему праву неосязаем, и может быть субъективно оценён лишь по реакции на оказание услуги и внешнему состоянию животного, которое не может сообщить, стало ли ему лучше. Кроме того, на качество оказания услуги влияет ряд иных факторов: квалификация специалиста, правильный анализ и диагностика, подбор методики лечения животного [9, 89], а также личностно-субъективные факторы, в связи с которыми человек не способен любую деятельность выполнять на одинаковом уровне. Наконец, сами ветеринарные услуги (например, хирургические), хотя и направлены на излечение животного, могут быть опасными для его жизни. Реакция живого организма на постороннее вмешательство может быть непредсказуемой. И поэтому любые гарантии исполнителя ветеринарной услуги не могут быть убедительными, поскольку они во многом носят вероятностный характер.

Специфичным является объект услуги — организм животного. Животное в парадигме гражданского права по своему правовому режиму приравнивается к имуществу (ст. 137 ГК РФ). Суды в своих постановлениях отмечают, что по смыслу данной нормы животные именно приравниваются к имуществу, но не являются им, хотя

и могут быть объектами вещных прав и предметами сделок [1]. Это означает, в том числе, возможность хозяев животных заключать договоры возмездного оказания ветеринарных услуг, поскольку сами животные по понятным причинам не могут ни самостоятельно прийти в ветеринарное учреждение, ни заключить договор. Соответственно, интерес в договоре возмездного оказания ветеринарной услуги принадлежит не животному, а его заказчику. Поэтому объект услуг является сложным. Н. В. Иванюхина в своём диссертационном исследовании обосновывает двухступенчатую структуру объекта. Деятельность исполнителя услуги направлена на предмет материального мира (с точки зрения гражданского права) — на животное, фактически являющееся имуществом. Но деятельность эта призвана сохранить или изменить физическое состояние животного, то есть — его здоровье. Здоровье, в свою очередь, благо нематериальное, и заинтересованность в сохранении этого блага принадлежит услугополучателю, поскольку само животное — не субъект, а объект права. Объект же услуги, таким образом, нематериальное благо в материальном благе («объект в объекте», по словам Н. В. Иванюхиной [4, 106–107]). Специфика объекта обуславливает и невозможность реституции.

Единого понятия услуги в отечественной цивилистике нет. В различных трудах учёных-цивилистов содержатся порой противоположные друг другу взгляды. Сохраняется дискуссия по поводу соотношения оказания услуг и выполнения работ. В контексте обязательства по возмездному оказанию услугой можно назвать действие или комплекс действий, выполняемых услугодателем (должником по договору возмездного оказания услуг) возмездно по просьбе заказчика и в его пользу, результат которых по общему правилу не имеет овеществлённого характера или имеет неустойчивый овеществлённый характер, уникален, неотделим от личности услугодателя и качество которого может быть оценено лишь субъективно.

По мнению Н. В. Миногиной, ветеринарная услуга — это объект гражданского правоотношения, действие или деятельность (совокупность действий) по удовлетворению потребности владельца животного в лечении или излечении животного [5, 38]. Приведённое определение, безусловно, обладает научной ценностью, поскольку является первым в современной отечественной цивилистической науке. Однако следует сделать несколько уточнений. Во-первых, целесообразнее понятие ветеринарной услуги раскрывать через категорию «объект

гражданских прав», а не «объект гражданского правоотношения».

Во-вторых, Надежда Владимировна указывает на содержание деятельности — «удовлетворение потребности владельца животного в лечении или излечении животного». Достоинство этого определения в разделении двух понятий — «лечения» как процесса и «излечения» как результата деятельности. Действительно, ветеринарные услуги могут заключаться либо в обоих аспектах сразу, либо в каком-то одном из них. Но если обратиться к Правилам оказания платных ветеринарных услуг, то среди них мы найдём такие услуги, как «все виды лабораторных исследований, проведение ветеринарно-санитарной экспертизы продовольственного сырья и пищевых продуктов животного происхождения, пищевых продуктов животного и растительного происхождения непромышленного изготовления, предназначенных для продажи на продовольственных рынках, а также некачественных и опасных в ветеринарном отношении пищевых продуктов животного происхождения» [7]. Данная ветеринарная услуга, как видно, не связана с воздействием на животное, не ставит целью его излечение или лечение. Это исследовательский процесс по установлению пригодности и качества животной продукции, предназначенной для продажи, а также изучение продукции, которая уже признана некачественной и опасной. Впрочем, проведение ветеринарно-санитарной экспертизы носит обязательный характер (ст. 21 ФЗ «О ветеринарии»), в связи с чем выходит за пределы обязательственных отношений частного права. Но Правила предусматривают и такой вид услуг, как исследования и другие ветеринарные мероприятия, связанные с продажей племенных животных, с участием их в выставках и соревнованиях, которые вполне могут осуществляться и на договорной основе. Таким образом, предмет ветеринарной услуги шире, чем просто лечение животных.

Используя понятие «ветеринария», закреплённое в Законе РФ «О ветеринарии» [7], а также признаки услуг, предлагаем следующее определение ветеринарной услуги. Ветеринарная услуга — это деятельность по оценке физического состояния животного, его сохранения и улучшения, осуществляемая возмездно лицом, профессионально и квалифицированно занимающегося ветеринарной деятельностью, на основании договора с владельцем животного, а также деятельность по выпуску полноценных и безопасных в ветеринарном отношении продуктов животноводства, направленная на защиту населения от болезней, общих для человека и животных.

Литература:

1. Апелляционное определение Краснодарского краевого суда от 19.01.2016 г. по делу № 33–1981/2016 // Доступ из СПС «Гарант» [Электронный ресурс] URL: <https://base.garant.ru/139858293/> (дата обращения: 20.08.2022 г.)
2. Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 1 / отв. ред. Е. А. Суханов. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Статут, 2020. С. 337 (автор главы Е. А. Суханов).
3. Закон РФ от 14.05.1993 № 4979–1 (ред. от 02.07.2021) «О ветеринарии» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 24. Ст. 857–858; Собрание законодательства РФ. 2021. № 24 (Часть I). Ст. 4197.

4. Иванюхина Н. В. Правовое регулирование договорных отношений по оказанию ветеринарных услуг (на примере города Москвы): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 106–107.
5. Миногина Н. В. Правовое регулирование договора возмездного оказания ветеринарных услуг: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 38.
6. ОК 034–2014 (КПЕС 2008). Общероссийский классификатор продукции по видам экономической деятельности (утв. Приказом Росстандарта от 31.01.2014 № 14-ст) (ред. от 23.12.2021) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163703/.
7. Постановление Правительства РФ от 06.08.1998 г. № 898 «Об утверждении правил оказания платных ветеринарных услуг» (ред. от 04.02.2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 33. Ст. 4012.
8. Степанов Д. И. Услуги как объект гражданских прав // Российская юстиция. 2000. № 2. С. 16.
9. Уланова О. И. Правовые основы оказания ветеринарных услуг // Инновационные технологии в зоотехнии и ветеринарии: сборник статей III Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию Пензенского государственного аграрного университета. Пенза, 2021. С. 89.

АРБИТРАЖНОЕ ПРАВО

Лимиты расходования денежных средств от реализации предмета залога в банкротстве: толкование и применение п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве

Кирсанова Елена Алексеевна, студент магистратуры
Российская таможенная академия (г. Люберцы)

В статье автор высказывает собственную позицию относительно толкования и применения нормы пункта 6 статьи 138 Закона о банкротстве, а также поднимает проблематику злоупотребления полномочиями арбитражными управляющими путем превышения лимитов расходования денежных средств, поступивших от реализации предмета залога.
Ключевые слова: арбитражный управляющий, залоговый кредитор, банкротство, реализация имущества, залог, АСВ.

Особенностью процедуры банкротства является назначение над должником фигуры независимого управляющего — арбитражного управляющего, который наделяется особым статусом и особыми функциями. Арбитражный управляющий в зависимости от процедуры банкротства имеет разный набор прав и обязанностей, но всегда является должностным лицом, призванным соблюдать баланс интересов между должником и его кредиторами.

Стандарт поведения арбитражного управляющего описан в пункте 32 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III. 1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» [3] и оценка совершаемых арбитражным управляющим действия должна проводиться, исходя из направленности на максимальное удовлетворение требований кредиторов при соблюдении указанного баланса.

Зачастую в банкротстве единственным источником, с помощью которого частично удовлетворяются требования кредиторов, является находящееся под залогом кредитных организаций имущество должника, в связи с чем законодатель статьей 138 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве) предусмотрел особый порядок распределения денежных средств, вырученных от реализации предмета залога [1].

Так, п. 2 ст. 138 Закона о банкротстве установлено, что денежные средства распределяются в следующем порядке (% от суммы, вырученной от реализации предмета залога):

- 80% — направляется на погашение требований залогового кредитора по кредитному договору;
- 15% — направляется на погашения требований кредиторов I и II очереди в случае недостаточ-

ности иного имущества должника в целях погашения указанных требований;

- 5% — для погашения судебных расходов, расходов по выплате вознаграждения арбитражным управляющим и оплаты услуг лиц, привлеченных арбитражным управляющим в целях обеспечения исполнения возложенных на него обязанностей, иными словами, текущие платежи по смыслу ст. 5 Закона о банкротстве.

На сегодняшний день дискуссионным и неразрешенным является вопрос о толковании и применении нормы пункта 6 статьи 138 Закона о банкротстве, которая введена законодателем в декабре 2014 года.

Данная норма дословно выглядит следующим образом:

«Расходы на обеспечение сохранности предмета залога и реализацию его на торгах покрываются за счет средств, поступивших от реализации предмета залога, до расходования этих средств в соответствии с пунктами 1 и 2 настоящей статьи».

Имеются различные толкования указанной нормы. В первом случае, специалисты утверждают, что в установленный пунктом 2 статьи 138 Закона о банкротстве 5% лимит расходования денежных средств, вырученных от реализации предмета залога, не включаются суммы, израсходованные на сохранность предмета залога и реализацию его на торгах.

Иными словами, к текущим расходам по смыслу п. 2 ст. 138 Закона о банкротстве, не относятся стоимость услуг охраны предмета залога, услуг оценщика, услуг организатора торгов, публикаций в газете «Коммерсант».

Данного подхода в отсутствие разъяснений Верховного Суда Российской Федерации придерживаются многие арбитражные суды [10,11].

Автору настоящей статьи указанный подход кажется неверным в силу того, что в условиях неограниченной возможности арбитражного управляющего расходования средств на привлечение сторонних специалистов с целью обеспечения сохранности предмета залога и реализации его на торгах могут иметь место злоупотребления арбитражным управляющим своими правами путем завышения расходов на подобные нужды.

Достаточно частой практикой является заключение арбитражными управляющими договоров поручения с привлеченными организациями с целью их найма в качестве организаторов торгов. Указанные лица объективно необходимы при наличии больших, комплексных лотов реализуемого имущества и совершенно излишни при наличии одного-двух несложных лотов, так как по своей природе управляющий пользуется услугами третьих лиц для выполнения своего же процедурного и процессуального функционала. И, тем не менее, арбитражные управляющие заключают договор поручения и устанавливают процентное вознаграждение поверенного — от 3% от суммы реализованного имущества (например, такой стандартный процент установлен торговой площадкой АО «Российский аукционный дом»).

Таким образом, логичнее выглядит следующий подход в применении п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве: норма указывает на очередность расходования (списания) денежных средств арбитражным управляющим, полученных от реализации залогового имущества по положениям п. 2 указанной статьи. То есть пунктом 6 разъясняется, что арбитражный управляющий сначала погашает расходы, относящиеся к 5% лимиту и, в частности, на организацию торгов и охрану имущества, затем — 80% и 15% соответственно.

Если не обращаться к судебной практике, а разобрать лексическое значение предлога «до» в предложении п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве, то мы обнаружим, что согласно толковому словарю русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова [13] предлог «до» может иметь несколько значений:

1. Употр. для указания на расстояние между какими-н. пунктами, отделяющее один пункт от другого (пример: до города осталось 5 верст);

2. Употр. для указания на промежуток времени, отделяющий одно событие от другого или какое-н. событие от какого-н. момента (пример: до отхода поезда осталось полчаса);

3. Употр. для указания на пространственный предел чего-н. (пример: Мы добежали до леса. Юбка до колен);

4. Употр. для указания на временный предел какого-н. действия. (пример: ждать до вечера)

5. Прежде, раньше чего-н. (пример: до революции. до наступления холодов);

6. Употр. для указания предела, степени какого-н. качества, действия. (пример: до ужаса. до чего он хитер).

Таким образом, предлог в спорном предложении может иметь только одно значение — «прежде, раньше

чего-нибудь» и в контексте нормы п. 6 указывает на очередность списания денежных средств со счета должника.

Норма п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве не конкурирует с п. 2 указанной нормы и для расчета 80%, 15% и 5% от суммы реализации предмета залога из такой суммы не вычитаются расходы на проведение торгов и сохранность имущества, и, напротив, такие расходы учитываются и включаются в 5% порог.

В связи с вышеизложенным, арбитражный управляющий не может неограниченно допускать превышение установленного пятипроцентного порога при распределении всех текущих расходов: на торги, сохранность предмета залога, на выплату собственного вознаграждения, судебные расходы.

Одновременно с этим имеются разъяснения судов относительно отнесения к текущим расходам подобных трат, однако такие разъяснения были даны Высшим Арбитражным Судом РФ до введения п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве, в связи с чем многие судьи и арбитражные управляющие говорят об устаревании таких разъяснений вопреки отсутствия сведения о признании разъяснений отмененными.

Так, разъяснениями Пленума Высшего Арбитражного Суда, изложенными в абз. 5 п. 13.1 Постановлении от 25.12.2013 № 97 «О некоторых вопросах, связанных с вознаграждением арбитражного управляющего при банкротстве» устанавливается, что «под текущими платежами, поименованными в приведенных нормах п. 1 и п. 2 ст. 138 Закона о банкротстве, понимаются в том числе расходы, связанные с реализацией заложенного имущества (затраты на оценку предмета залога, его охрану, проведение торгов по его реализации), и вознаграждение арбитражного управляющего (как фиксированная сумма, так и проценты)» [4].

Абзацем 3 п. 13.1 Постановлении Пленума ВАС РФ от 25.12.2013 № 97 установлено: «если в числе удовлетворенных требований кредиторов имелись требования, обеспеченные залогом, удовлетворенные за счет выручки от реализации предмета залога, то должны применяться специальные правила, установленные в статье 138 Закона, согласно которым на погашение текущих платежей может направляться не более десяти (пункт 1 статьи 138) или пяти (пункт 2 статьи 138) процентов выручки от реализации предмета залога» [4].

Также в практике имеется более раннее Постановление Пленума ВАС РФ № 58 от 23.07.2009, где в абз. 2 п. 15 установлено то же самое [2].

Для большей убедительности Верховный Суд РФ в 2021 году определил правило о том, в каких случаях арбитражный управляющий может превысить такой лимит, а именно: исключительно с санкции арбитражного суда, где управляющий докажет обоснованность таких расходов, их обусловленность экстраординарными обстоятельствами, наличие у привлеченного специалиста эксклюзивных возможностей и компетенций в сфере продаж соответствующего имущества [6,9].

В целях предметного понимания сущности проблемы автор настоящей статьи приведет пример из собственной практики.

В деле о банкротстве № А41–15105/2018 реализовано залоговое имущество на общую сумму 455 000 000 руб. Согласно отчету арбитражного управляющего, стоимость расходов на проведение торгов составила 13 914 672 руб. 40 коп., из которых: 180 000 руб. 00 коп. — услуги оценщика; 13 611 572 руб. 40 коп. — услуги организатора торгов, 123 100 руб. 00 коп. — стоимость публикаций в Коммерсант.

Одновременно с этим, определением Арбитражного суда Московской области от 27 мая 2021 года по делу № А41–15105/18 установлен размер вознаграждения конкурсного управляющего в размере 18 003 839 руб. 74 коп. за удовлетворение требований кредиторов за счет продажи залогового имущества должника [12].

Таким образом, общая сумма текущих расходов на проведение торгов по реализации предмета залога составила 31 918 512,04 руб., из расчета: 18 003 839,74 + 13 605 549,85 + 309 122,45, что составляет 7,02% от суммы,

вырученной от реализации предмета залога (31 918 512,04 x 100 / 455 000 000), что позволяет сделать вывод о превышении установленного Законом о банкротстве лимита расходов на привлеченных арбитражным управляющим специалистов.

Конкурсный управляющий должника в деле о банкротстве № А41–15105/2018 санкции суда на превышение лимитов не получал, а при утверждении Положения о торгах залоговый кредитор в лице ГК «Агенство по страхованию вкладов» одобрил кандидатуру организатора торгов и заключенный с ним договор о процентном вознаграждении вопреки запрету своими действиями навязывать дополнительные расходы или ограничивать конкурентную среду при реализации имущества [5,7,8].

На настоящий момент в рамках дела № А41–15105/2018 по данному вопросу ведутся судебные разбирательства и без четко сформулированных разъяснений Верховного Суда РФ о правильном толковании и применении введенной в 2014 году нормы п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве споры осложнены и носят дилеммный характер.

Литература:

1. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Российская газета. № 209–210. 2002.
2. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.07.2009 № 58 «О некоторых вопросах, связанных с удовлетворением требований залогодержателя при банкротстве залогодателя» // Вестник ВАС РФ. № 9. 2009.
3. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III. 1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // Вестник ВАС РФ. № 3. 2011.
4. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25.12.2013 № 97 «О некоторых вопросах, связанных с вознаграждением арбитражного управляющего при банкротстве» // Вестник ВАС РФ. № 3. 2014.
5. Определение Верховного Суда Российской Федерации года № 305-ЭС16–15579 от 07.02.2019 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 29.09.2022).
6. Определение № 308-ЭС19–449 от 20.05.2019 года // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 29.09.2022).
7. Определение Верховного Суда Российской Федерации года № 305-ЭС16–20779 от 14.10.2019 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 29.09.2022).
8. Определение Верховного Суда Российской Федерации № 304-ЭС16–17267 от 21.01.2021 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 29.09.2022).
9. Определение Верховного Суда Российской Федерации № 305-ЭС18–24484 от 24.05.2021 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 29.09.2022).
10. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 20.05.2019 N 01АП-820/2017 по делу N А38–909/2016 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 29.09.2022).
11. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 23.10.2017 N 10АП-12238/2017 по делу N А41–74050/15 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 29.09.2022).
12. Определение Арбитражного суда Московской области от 27 мая 2021 года по делу № А41–15105/18 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 29.09.2022).
13. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / гл. ред. Б. М. Волин, Д. Н. Ушаков (т. 2–4); сост. Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов, Б. В. Томашевский, Д. Н. Ушаков; под ред. Д. Н. Ушакова. — М.: Государственный институт «Советская энциклопедия» (т. 1): ОГИЗ (т. 1): Государственное издательство иностранных и национальных словарей (т. 2–4), 1935–1940.

ТРУДОВОЕ ПРАВО

О правовой природе трудового договора

Сороколетов Александр Дмитриевич, студент

Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина

В статье автор рассматривает понятие трудовой договор в синергии нормативного и доктринального подхода, формируя при этом общее представление о его правовой природе. Объектом исследования выступает трудовой договор, а предметом — правовая природа трудового договора в единстве его теоретического и законодательного понимания. Целью является формирование общего представления о правовой природе трудового договора. В выводе закрепляется достижение цели исследования путем перечисления основополагающих характеристик объекта и предмета исследования настоящей статьи.

Ключевые слова: трудовой договор, трудовые правоотношения, Трудовой кодекс Российской Федерации, доктринальный подход, правовая природа, обязательные условия, признаки (черты) трудового права, Верховный суд Российской Федерации.

Трудовой договор — это сложная юридическая конструкция, правовая природа которой выражена в синергии доктринального и нормативного осмысления непрерывного развития трудовых отношений, являющихся, по моему мнению, одним из индикаторов развития общества в целом. Целью настоящей статьи является формирование общего представления о правовой природе трудового договора, объектом исследования выступает — трудовой договор, а предметом — правовая природа трудового договора в единстве его теоретического и законодательного понимания.

Как отмечает А. Я. Петров, трудовой договор в орбите научной мысли рассматривается как:

- a. институт трудового права;
- b. основание возникновения трудовых отношений между работником и работодателем (статья 16 Трудового кодекса Российской Федерации);
- c. нормативный регулятор трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений между работником и работодателем (статья 9 Трудового кодекса Российской Федерации)
- d. правовая форма реализации принципа свободы труда;
- e. письменный документ [1, с. 391].

Представленный список правовых значений трудового договора аккумулирует множество авторских исследований, в частности, позицию И. О. Снигиревой, определяющей трудовой договор как юридический факт, акт, формально закрепляющий трудовые отношения, а также служащий основанием их возникновения и трансформации в трудовые правоотношения [2, с. 30].

Таким образом, трудовой договор как терминологическая единица трудового права носит дифференциро-

ванный характер, сущность которого, по моему мнению, выражается в контекстном акцентировании внимания на ту или иную присущую настоящему понятию характеристику, требующую с нашей стороны комплексного подхода в её осмыслении.

В работе К. С. Балицкого указывается, что первоначально термин «трудовой договор» ввел в оборот Л. С. Таль, выразивший его как всякую сделку (вне зависимости от отрасли производящего хозяйства и социального положения работника), по которой одно лицо обещает другому приложить собственной рабочей силы на срочный или бессрочный период к его предприятию или хозяйству в качестве зависимого работника, подчиняясь в пределах, устанавливаемых договором, законом или обычаем, хозяйской власти работодателя и внутреннему порядку его предприятия или хозяйства.

Позже Л. С. Таль немного модернизировал собственную дефиницию этого понятия: он убрал указание на зависимость работника и на подчинение в пределах, устанавливаемого договора [3, с. 41]. По нашему мнению, перечисленные изменения носили последовательный характер развития доктрины трудового договора, её адаптации под быстро меняющиеся общественные отношения начала двадцатого века. Определение Л. С. Талья помогает более детально понять правовую природу современной дефиниции трудового договора, увидеть её ретроспективу.

Согласно статье 56 Трудового кодекса Российской Федерации, трудовым договором является соглашение между работником и работодателем (стороны трудового договора), в соответствии с которым работодатель берет на себя обязательства по предоставлению работнику работы по обусловленной трудовой функции, обес-

печению условий труда, установленных трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами и данным соглашением, своевременной выплате работнику заработной платы в полном размере, а работник в свою очередь обязуется выполнять определенную этим соглашением трудовую функцию лично и в интересах, под управлением и контролем работодателя, соблюдать установленные у данного работодателя правила внутреннего трудового распорядка [4].

Анализ представленной нормативной дефиниции, по мнению М. О. Буяновой, позволяет выделить следующий перечень отличительных признаков (черт) трудового договора:

- a. личное исполнение работником трудовой функции, чему, по моему мнению, оппонирует (показывает различие) пункт 1 статьи 706 Гражданского кодекса Российской Федерации, который регламентирует право подрядчика на привлечение к исполнению своих обязательств другим лицом [5];
- b. элементом трудового договора является не результат труда, а его процесс, при том, согласно части 5 статьи 37 Конституции Российской Федерации, работающему на основании трудового договора гарантируется установленная федеральным законом продолжительность рабочего времени, то есть, настоящий процесс носит урегулированный характер и является конституционным правом, развитым и в нормах Трудового Кодекса Российской Федерации [6];
- c. обязанность работодателя организовать труд и обеспечить работнику здоровые и безопасные условия труда;
- d. соблюдение работником правил внутреннего трудового распорядка;
- e. заработная плата по заранее установленным нормам [7, с. 86].

Е. А. Степанова разделяет трудовой договор, опираясь на статью 56 Трудового кодекса Российской Федерации, условно на три базовых элемента: личностный (работник обязуется лично выполнять трудовую функцию), имущественный (выполнение трудовой функции осуществляется за плату) и организационный (работодатель осуществляет организацию труда работника, а работник обязуется не нарушать установленный трудовой распорядок) [8, с. 26]. По моему мнению, представленная позиция по содержанию корреспондируют доктринальной выкладке Буяновой, однако имеет самобытное выражение по форме: триады элементов.

Таким образом, трудовой договор имеет собственные отличительные признаки (черты), характеризующие его правовую природу и отличающие от иных видов договоров, в частности, гражданско-правового характера.

В этой связи понимание трудового договора как основной юридической конструкцией, связывающей и объединяющей воедино все конструктивные подразделения

трудового права (рабочее время и время отдыха, охрана труда, заработная плата и т. д.) [9, с. 507–508] представляется, по-моему, наиболее оптимальным определением исследуемого объекта, отчасти корреспондирующим и акцентирующим иные теоретические подходы ученых.

Стоит отметить немалую связь между понятием «трудовой договор» и «трудовое правоотношение», согласно мнению А. М. Лушниковой и М. В. Лушниковой, теория содержания трудового договора ставит знак равенства между содержанием трудового правоотношения и трудового договора [2, с. 30].

Таким образом содержание трудового отношения и содержание трудового договора неразрывно взаимосвязаны и взаимно детерминированы, поэтому для целостного понимания нормативно-правовой природы трудового договора необходимо рассмотреть синергию статьи 15 и статьи 56 Трудового кодекса Российской Федерации.

Верховный суд Российской Федерации к признакам трудовых отношений в соответствии со статьями 15 и 56 ТК РФ также относит наличие зависимости и подчиненности труда, исполнение работником работы только по определенной специальности, квалификации или должности, наличие факультативных гарантий работнику, установленных нормативно-правовыми актами, регуливающими трудовые отношения.

К признакам (чертам) наличия трудового правоотношения относят, в частности, исполнение работником работы согласно указаниям работодателя; интегрированность работника в организационную структуру работодателя; признание работодателем за работника таких прав, как ежегодный отпуск и еженедельные выходные дни; оплата со стороны работодателя расходов, связанных с поездками работника в целях выполнения определённой работы; осуществление периодических выплат работнику, которые выступают для него единственным и (или) основополагающим источником доходов; предоставление механизмов, материалов и инструментов работодателем (Рекомендация № 198 о трудовом правоотношении, принятая Генеральной конференцией Международной организации труда 15 июня 2006 года) [10].

Таким образом, трудовой договор во взаимосвязи с трудовыми отношениями позволяет более детально понять и углубить такие отличительные признаки исследуемого объекта и предмета как личное исполнение работником трудовой функции, обязанность работодателя организовать труд, а также базирование трудового договора не на результатах труда, а на его процессе.

Стоит отметить, что правовая природа трудового договора не лишена противоречий. К примеру, по мнению Ю. П. Орловского, ключевым недостатком трудового договора является его перенасыщенность обязательными условиями. По существу, трудовой договор в его настоящем виде — это соглашение по форме, а не по содержанию [11, с. 43–44].

По нашему мнению, представленная проблема носит обоснованный характер, ставит четкую проблему, требующую своего решения, определяется перспектива раз-

вития трудового договора в его реструктуризированной форме.

Заключение

Таким образом, трудовой договор выступает сложной юридической категорией, аккумулирующей в себе совокупность нормативных и доктринальных основ, составляющих общее представление об исследуемом объекте и предмете настоящей статьи. Путем анализа правовых документов были выявлены существенные (или отличительные) признаки (черты) свойственные для трудового договора: личное исполнение работником трудовой функции; акцент трудового договора на процессе, а не результате труда; обязанность работодателя организовать труд и обеспечить работнику здоровые и безопасные условия труда; соблюдение работником правил внутреннего трудового распорядка; выплата заработной платы по заранее установленным нормам, а также иные не-

посредственно связанные с настоящими признаками характеристики, установленные в единстве содержания трудового договора и трудового правоотношения (в рамках рассмотрения позиции Верховного суда Российской Федерации).

Теоретические выкладки явились важнейшими связующими звеньями при рассмотрении нормативно-правовых основ. Доктрина позволила систематизировать признаки, применить комплексный подход в характеристике объекта и предмета настоящего исследования, продемонстрировать противоречия существующей нормативной системы, заложив при этом перспективу дальнейшего развития и совершенствования. Важно отметить, что представленная информация о трудовом договоре далеко не исчерпывающая, однако, позволяющая в той или иной мере сформировать общее представление о правовой природе трудового договора.

Литература:

1. Петров, А. Я. Трудовой договор: понятие и совершенствование раздела III Трудового кодекса Российской Федерации // Образование и право. 2021. № 3. С 391–396.
2. Кудряшова, С. Н. Требования законодательства к содержанию трудового договора и практика их реализации // Трудовое право в России и за рубежом. 2017. № 4. С. 29–31.
3. Балицкий, К. С. Влияние доктрины трудового права на формирование законодательной дефиниции понятия «трудовой договор» // Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 3 с 41–46.
4. «Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 25.02.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2022) // Официальный интернет — портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102435144&backlink=1&nd=102074279> (дата обращения 9 июня 2022 г.).
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) от 30 ноября 1994 года N 51-ФЗ // Официальный интернет — портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102033239> (дата обращения 9 июня 2022 г.).
6. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет — портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001> (дата обращения 9 июня 2022 г.).
7. Буянова, М. О. Трудовое право. Особенная часть: учебник для вузов / М. О. Буянова и др. М.: Издательство Юрайт, 2022. 542 с.
8. Степанова, Е. А. Трудовой договор: учебное пособие / Е. А. Степанова. Ростов н/Д: Издательство ЮФУ, 2009. 112 с.
9. Лушникова М. В., Лушников А. М. Очерки трудового права. СПб., 2006. 939 с.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2018 № 15 «О применении судами законодательства, регулирующего труд работников, работающих у работодателей — физических лиц и у работодателей — субъектов малого предпринимательства, которые отнесены к микропредприятиям» // Официальный сайт Верховного суда Российской Федерации <http://www.vsrfr.ru/documents/own/26841/> (дата обращения 9 июня 2022 г.)
11. Орловский Ю. П. Нужна ли реформа трудового законодательства? // Закон. 2019. № 11. С. 39–46.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Научная трактовка и элементы гражданского иска в уголовном судопроизводстве

Артемов Дмитрий Михайлович, студент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье анализируются проблемные вопросы разрешения в уголовном деле гражданского иска о возмещении ущерба имущественного характера и компенсации морального ущерба. Дается определение понятию гражданский иск и уделяется внимание элементам гражданского иска в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: гражданский иск, понятие иска в уголовном судопроизводстве, разрешение проблемных вопросов при рассмотрении гражданского иска, компенсация морального и имущественного ущерба в уголовном деле.

Scientific interpretation and elements of a civil claim in criminal proceedings

Artemov Dmitry Mikhailovich, student
Saratov State Law Academy

This article analyzes problematic investigations and decisions in a criminal case in the case of compensation for property damage or recovery of moral damage caused by a crime. The definition of the concept of a civil claim is given and pays attention to the dignity, the problems of the severity of the claim in criminal proceedings.

Keywords: civil lawsuit in criminal proceedings, the concept of a lawsuit in criminal proceedings, resolution of a civil lawsuit in a criminal case, compensation for moral and property damage in a criminal case.

Начать изложение теоретических аспектов гражданского иска в уголовном судопроизводстве представляется необходимым с нормативной базы, которая закреплена в международном и национальном законодательстве. Так, основополагающей статьёй 4 Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью, принятой 29 ноября 1985 г. резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН, регламентировано, что жертвы любых преступлений имеют право на доступ к механизмам правосудия, закрепленным в национальном законодательстве, также они имеют право на скорейшую компенсацию за нанесенный таким людям ущерб в соответствии с законодательством той страны на территории, которой совершено общественно — опасное деяние.

В продолжение положений декларации отечественная Конституция в статьях 46 и 52 гарантирует охрану прав физических и юридических лиц, потерпевших от преступлений, а также обеспечению им доступа к правосудию и компенсацию причиненного ущерба. Причем требование о защите прав физических и юридических лиц, потерпевших от преступлений, сформулированное в статье

6 УПК РФ, должна включать в себя также и исключение преступных последствий, в том числе путем восстановления нарушенных гражданских прав жертв преступлений. Одним из значительных факторов защиты прав физических и юридических лиц уголовном деле является статья 12 ГК РФ, которая закрепляет такие способы защиты, как возмещение убытков и компенсация морального ущерба потерпевших от преступлений.

В уголовном судопроизводстве во многом для эффективности рассмотрения гражданско-правовых притязаний обеспечена возможность направления гражданских исков о возмещении имущественного ущерба потерпевшим или компенсации их морального ущерба.

Говоря о двойственности мнений относительно исключения или сохранения института гражданского иска в уголовном деле стоит отметить, что споры об этом продолжаются до сих пор. В результате данных споров высказываются мнения за исключение и против исключения вышеуказанного института, однако, учитывая, что гражданский иск, как правило, не противоречит уголовному делу, рассматриваемому по правилам определяемым уголовно-процессуальным законом, а его разрешение в уго-

ловном процессе является более эффективным, чем отдельно в гражданском процессе можно сделать вывод о необходимости доработки уже существующего института нежелезнодорожного полного исключения из уголовного судопроизводства. [1] Одной из таких доработок, требующих обсуждения — это подсудность и подведомственность гражданского иска, которые, в свою очередь, определяются подсудностью уголовного дела, что не всегда соответствует интересам гражданского истца, например в случаях, когда гражданско-процессуальным законодательством предполагается альтернативная или исключительная подсудность.

Гражданский иск, вытекающий из уголовного дела, требование по которому не были заявлены в рамках уголовного дела подлежат разрешению в порядке гражданского судопроизводства по общим правилам подсудности, т. е. по месту жительства или месту нахождения ответчика. Обычно место совершения преступления, определяющее в силу ст. 32 УПК РФ подсудность уголовного дела, и место жительства лица, несущего ответственность за ущерб, причиненный преступлением, не совпадают. В таком случае соответствующее требование в порядке гражданского судопроизводства предъявляется по правилам отмеченных выше статей 131 и 132 ГПК РФ, при рассмотрении гражданского дела суд предложит истцу в обоснование иска приложить заверенные надлежащим образом копии вынесенных по уголовному делу судебных решений с отметкой о вступлении их в законную силу, которые будут иметь преюдициальную силу в последующем. Также нужно помнить, что место жительства ответчика может не совпадать с местом его фактического проживания в случае, если наказанием является реальное лишение свободы, что на практике происходит довольно часто.

Кроме того, суд, принимая в порядке гражданского судопроизводства решение по требованию потерпевшего, вытекающему из уголовного дела, не вправе входить в обсуждение вины гражданского ответчика. В таком случае в рамках гражданского дела суд вправе разрешать вопрос о количественном размере возмещения, а также приводить доказательства, обосновывающие размер присужденной денежной суммы. В таком случае возражения ответчика относительно приговора суда, которым иск удовлетворен, не подлежат рассмотрению в порядке гражданского процесса, а могут быть рассмотрены по существу только в рамках уголовного дела.

Касаясь оформления гражданского иска в уголовном процессе, необходимо обратить внимание на то, что УПК РФ предъявляет «облегченные» требования к оформлению гражданского иска которые, как правило, заключаются в том, чтобы исковое заявление соответствовало нормам гражданско-процессуального законодательства, а именно статьям 131 и 132 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ). При этом требование не обязательно должно быть оформлено письменно, если заявление лица выражено в устной форме, то тогда оно заносится в протокол, а пись-

менное же заявление просто приобщается к материалам уголовного дела.

Касательно такого важного элемента гражданского иска в уголовном судопроизводстве, как обеспечение, необходимо выделить статью 115 УПК РФ которая гласит, что мерой обеспечения гражданского иска по уголовному делу является наложение ареста на имущество обвиняемого или лиц, которые несут по закону материальную ответственность за его преступные действия, или иных лиц, у которых находится имущество, приобретенное преступным путем.

Таким образом, можно сделать однозначный вывод, что гражданский иск в уголовном деле не осложняет уголовный процесс. Преимущества гражданского иска заключаются в эффективности защиты имущественных прав потерпевших вкупе с особенностями, предусмотренными гражданским процессуальным законодательством.

Разрешение гражданских исков судом в уголовном деле базируется на установлении следующих юридических фактов: наличие преступления, наличие причинной связи между преступлением и наступившим ущербом, причинение преступлением ущерба. Гражданские иски в уголовных делах разрешаются исходя из размера ущерба, причиненного в результате совершенного общественно-опасного деяния, который устанавливается в ходе предварительного расследования и проверяется судом при рассмотрении дела. Иски о возмещении ущерба, причиненного жизни и здоровью потерпевшему, в силу своей специфики, обусловленной сложным предметом доказывания, в уголовном судопроизводстве не рассматриваются.

Таким образом, под гражданским иском в уголовном процессе необходимо понимать процессуальное средство защиты, в судебной ее форме, имущественных прав и законных интересов физических и юридических лиц, пострадавших от преступлений. Правом предъявления гражданско-правового требования в уголовном процессе наделены физические или юридические лица в случае, если у них есть основания считать, что в результате совершенного деяния им был причинен имущественный ущерб, а также граждане в случае причинения им нравственных или физических страданий. [2]

Подводя итог всему вышеизложенному, необходимо отметить, что реабилитация общественной справедливости в уголовном судопроизводстве требует безоговорочного устранения всех последствий конкретного общественно-опасного деяния. Законодатель, предусмотрев возможность предъявления гражданского иска в уголовном судопроизводстве, исходя из связи причиненного ущерба с преступным деянием, по моему мнению достигнул цели наиболее эффективно восстановить гражданские права потерпевших по уголовному делу и обеспечить скорейший доступ таких лиц к правосудию. Однако, накопившиеся проблемы, в том числе отсутствие конкретных теоретических трактовок некоторых аспектов данного института, свидетельствует о необ-

ходимости выработки в российском законодательстве новых научных подходов и, впоследствии, нормативно-

правовых актов, регламентирующих институт гражданского иска в уголовном деле.

Литература:

1. Шаталов А. С., Крымов А. А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации. — М.: Проспект, 2018. — 864 с.
2. Божьев В. П. Гражданский иск в уголовном деле как предмет уголовно-процессуальных отношений // Российский следователь. 2011. № 16.
3. Якимович Ю. К. Участие потерпевшего в уголовном преследовании // Уголовное судопроизводство 2014. № 4.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. — 04.08.2014. — № 31. — ст. 4398.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 30.10.2018) // Собрание законодательства РФ. — 24.12.2001. — № 52 (ч. I). — ст. 4921.
6. Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. // Российское законодательство X — XX вв.: в 9 т. Т. 8: Судебная реформа. М., 1991.

Сообразность направления гражданского иска в уголовном деле

Артемов Дмитрий Михайлович, студент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье анализируются вопросы назначения гражданского иска в российском уголовном процессе, а также проводится сравнительно-правовой анализ применения института гражданского иска в уголовном судопроизводстве России и праве Соединенных Штатов Америки.

Ключевые слова: гражданский иск, уголовный процесс, защита прав и законных интересов, ущерб, непосредственно связанный с преступлением.

The expediency of filing a civil lawsuit in a criminal case

Artemov Dmitry Mikhailovich, student
Saratov State Law Academy

The article analyzes the issues of assigning a claim in criminal proceedings in Russia, as well as a comparable legal analysis of the institute in judicial proceedings in Russia and law.

Keywords: a civil action, criminal process, protection of rights and legitimate interests, damage directly related to the crime.

Начать изложение теоретических аспектов сообразности направления гражданского иска в уголовном судопроизводстве представляется необходимым с нормативной базы, закрепленной в Конституции Российской Федерации.

Так, статьями 1 и 2 Конституции регламентировано, что Россия правовое и социальное государство, где права и свободы человека и гражданина являются высшей ценностью. В статье 52 права физических и юридических лиц, которым преступлением причинен ущерб, охраняются законом, а государством обеспечена компенсация такого ущерба.

Институт гражданского иска в уголовном деле, направленный на возмещение физического и морального ущерба, гарантирует положения, регламентированные конституцией.

Однако проблема существования в публичном по своей природе уголовном судопроизводстве такого института, как предъявление гражданского иска, имеющего под собой диспозитивное начало, порождает противоречия в высказываемых юристами мнениях. Данный вопрос необходимо рассматривать с позиции регламентации уголовного процесса нормами отечественного законодательства и законодательства стран прецедентного права, в нашем случае, Соединенных Штатов Америки.

Сразу необходимо отметить, что в теории уголовно-процессуального права в отношении данного аспекта (дуалистичности правовой природы института гражданского иска) присутствуют две основные точки зрения. Первая группа ученых уверена в «бессмыслен-

ности включения в уголовные судопроизводство основ цивилистики». [1] Вторая группа, напротив, подчеркивает важность существования такого явления, как предъявление и рассмотрение судом гражданского иска в уголовном процессе.

Например, представитель первой группы, такой цивилист, как Бозров В. М. в своих работах акцентирует внимание на следующем: «гражданский иск в уголовном судопроизводстве, как исторический рудимент потерял сегодня свою значимость и представляет неестественное «вживление» основ и принципов гражданского судопроизводства в публичный процесс» [2]

Первая группа ученых-юристов в подтверждение своей позиции обращают внимание на то, что диспозитивность гражданского иска в принципе противоречит публичности уголовного судопроизводства. Также противники этой точки зрения перманентно указывают на присущие гражданскому судопроизводству средства защиты, непосредственно «прилегающие» к иску, например такие, как регресс или мировое соглашение и другие, которые не теряют своей актуальности в случае предъявления иска в уголовном деле.

Если обратиться к опыту Соединенных Штатов Америки, где гражданский иск рассматривается исключительно в качестве гражданско-процессуального института, то становится явным некоторые преимущества подхода иностранного государства. Например, в тех же Соединенных Штатах Америки действует принцип процессуального разграничения, смысл которого заключается в том, что все то, что имеет под собой диспозитивное начало не может быть частью публичного и наоборот. Данное разграничение с точки зрения иностранного законодателя, не препятствует защите прав потерпевших от преступления физических и юридических лиц, а напротив, повышает ее эффективность.

В этой связи стоит обратиться к практическим особенностям производства по данному вопросу в уголовном судопроизводстве Соединенных Штатов Америки. Как уже было указано выше, в уголовном судопроизводстве Соединенных Штатов Америки институт гражданского иска отсутствует и в случае, если преступлением причинен какой-либо ущерб, то требования о его возмещении подаются в порядке гражданского судопроизводства. Такой подход, по мнению правовых регуляторов Соединенных Штатов Америки, в наибольшей степени соответствует соблюдению принципа разграничения процессуальной направленности, а также повышает эффективность защиты прав физических и юридических лиц, потерпевших от преступления. [3]

Институт гражданского иска в уголовном процессе Соединенных Штатов Америки отсутствует не только в силу специфики самой правовой системы этого государства, но и ввиду некоторых особенностей порядка судебного производства по уголовному делу. Так, рассмотрение и разрешение уголовного дела по существу осуществляется профессиональным судьей уголовного

профиля и двенадцатью присяжными заседателями, задача которых сводится к ответу на вопрос о виновности или невиновности подсудимого, кроме того предъявление гражданского иска требует его оценки, для производства которой зачастую необходимо обладать специальными знаниями, позволяющими провести правильный расчет размера иска, в связи с чем рассмотрение требований о возмещении ущерба, причиненного преступлением, отнесено к ведению гражданского судопроизводства, учитывая отсутствие соответствующего необходимого опыта и специфических знаний у компетентных на принятие решение лиц, такой зарубежный опыт видится более рациональным и последовательным. На это также банально указывает и разница в присуждении сумм компенсаций морального ущерба в уголовном и гражданском отечественном судопроизводстве [4].

Подводя итог вышеизложенному, необходимо отметить, что восстановление социальной справедливости в уголовном судопроизводстве требует нейтрализации последствий конкретного преступления. Предусмотрев возможность предъявления гражданского иска в уголовном судопроизводстве, законодатель, исходя из связи причиненного ущерба с преступным деянием, преследовал цель наиболее эффективно защитить субъективные гражданские права потерпевших и обеспечить их скорейший доступ к правосудию. Однако накопившиеся проблемы, в том числе отсутствие конкретных теоретических трактовок некоторых аспектов данного института, свидетельствует о необходимости выработки в российском законодательстве новых научных подходов к институту гражданского иска в уголовном деле.

Проведенный сравнительно-правовой анализ позволяет прийти к выводу о том, что отсутствие института гражданского иска в уголовном судопроизводстве Соединенных Штатов Америки связано со спецификой предметного разграничения компетенции судей, особенностями производства по уголовным делам в судах и самой правовой системы этих стран в целом, в связи с чем абсолютное заимствование такого подхода законодателя в российский уголовный процесс не допустимо, невозможность выделения гражданского иска из уголовного процесса невозможна и по некоторым практическим моментам, таким как: материальной экономии посредством освобождение гражданского истца от уплаты государственной пошлины; отсутствие необходимости отстаивать свои нарушенные права дважды, что также облегчает судебные процедуры; созданию условий для полного и быстрого рассмотрения и разрешения гражданского иска, однако российское законодательство не лишено вопросов в упорядочении отношений связанных с гражданским иском, таким как: единообразии практике по присуждению сумм компенсаций морального ущерба и специализация лиц выносящих решения в части присуждения определенных компенсаций, решение которых необходимо искать, в том числе, за рубежом.

Литература:

1. Гуськова А. П. К вопросу о понятиях «охрана», «защита» используемых в российском уголовном судопроизводстве // Новый Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в действии: сборник научных статей / под ред. А. П. Гуськовой. Оренбург, 2003. С. 6.
2. Бозров В. Гражданский иск в уголовном деле неуместен // Российская юстиция. 2001. № 5.
3. Научный журнал «Вестник Саратовской государственной юридической академии № 4», 2016. 264 с.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. — 04.08.2014. — № 31. — ст. 4398.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 30.10.2018) // Собрание законодательства РФ. — 24.12.2001. — № 52 (ч. I). — ст. 4921.

Личность преступника: понятие, сущность и классификация

Ермолаенко Любовь Михайловна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный морской технический университет

В данной статье рассматривается проблема личность преступника.

Ключевые слова: личность преступника, преступное поведение, преступность, проблема личности преступника.

В криминологии одной из наиболее важных проблем является личность преступника, поскольку личность представляет собой сложное социальное явление. Проблематика личности преступника имеет научное и практическое значение ввиду того, что без понимания того, кто совершает преступления, невозможно эффективно бороться с преступностью [5].

Проблема личности имеет под собой не только правовое значение. В праве личность является производным от личности в социуме. Личность в обществе зависит от социальных признаков, в этот признак включается и статус личности преступника.

Само понятие «личность» имеет большое количество значений. Самое распространенное понятие личность определяется как целостного человека в единстве социальных ролей. Рассматривая многогранность личности, стоит понимать, что неточное употребление термина «личность» позволяет смешивать понятие [3].

Однако общепринятым понятием личности преступника стоит считать то, что под личностью преступника подразумевается совокупность социальных качеств, присущих совершившему или совершающему преступление человеку, которые выражают его индивидуальность [2].

Возможность предупреждения совершения преступлений лишь в случае, если будет тщательно изучена личность определенных преступников, потому что личность преступника — источник противоправных действий.

Каждый научный деятель, занимающийся изучением личности преступника как ключевого аспекта девиантного поведения, вкладывал в понятие личности преступника следующие содержания. Например, Аванесов считает, что «личность преступника можно определить как личность человека, который совершает общественно опасное деяние, преступая закон». Однако Дагель П. С.,

в свою очередь, раскрывает личность преступника в уголовно-правовом смысле, что «это совокупность политических, психических и физических особенностей лица, которое совершило преступление, имеющая уголовно-правовое значение» [5].

Российский криминолог Долгова А. И. считает, что личность преступника должна рассматриваться в двух аспектах: как объект социальных влияний и как субъект, совершающий действие. А Астемиров З. А., в свою очередь, определяет личность преступника как человека, совершившего преступление под влиянием социальной среды и биологических черт характера, которые носят негативный оттенок [4].

Уголовное право рассматривает личность преступника как антиобщественное проявление, которое совершается в преступлении. Уголовное право интересуется не только признаки личности, но и признаки преступного поведения, которые складываются в сознании человека.

Анализ преступления показывает, что имеется как минимум две основные составляющие: непосредственно преступление, которое наносит вред обществу и группа людей или человек, который совершил проступок. С точки зрения уголовного права личность преступника — вполне вменяемое лицо, преступившее закон. Поэтому достаточное внимание уделяет личности преступника, чтобы понимать источник того или иного преступления [3].

Следует заметить, что личность является носителем причин преступного поведения, а следовательно, чтобы успешно предупредить преступление, стоит заняться прогнозированием [4].

У личности преступника выделены основные черты:

- пол;
- возраст;
- семейное положение;

- образ жизни;
- социальный статус и др.

Эти черты имеют общий характер, однако специфика личности как отдельного типа представляет собой психологию преступного поведения. Поскольку преступление не просто так относят к личности, личность в себе содержит степень социального, психологического развития, а также жизненный опыт, духовные ценности.

Личность преступника рассматривается с точки зрения лица, совершившего преступление, и для полного осмысления требуется также изучить психологические особенности преступников. К этим свойствам относятся:

- агрессивность;
- неуважительное отношение к людям и их чувствам;
- жестокость;
- ненависть;
- импульсивность и др.

Например, насильственные преступники имеют в своей психологической характеристике удовлетворить желание немедленно [1].

Важный признак личность — ее деятельность, поскольку она управляет своим поведением. А поведение находит отражение в поступках, которые совершает личность. Жизненная позиция так же влияет на личность преступника [4].

Структуру личности преступника в зависимости от характеризующих ее признаков в криминологии можно рассматривать как:

- социально-демографическую (пол, возраст, образовательный уровень, социальное положение и род занятий, семейное положение, материальное положение, место проживания);
- нравственно-психологическую (взгляды, убеждения, жизненные стремления, ценностные ориентации, отношение к нормам морали);

- уголовно-правовую (характер совершенного преступления, роль в его совершении, данные о прошлой преступной деятельности) категории.

Рассматривая социально-демографические признаки, следует включать и свойства такие, как половую принадлежность, возраст, образование и место жительства. В большинстве своем (82%) субъектами данных преступлений становятся мужчины, только лишь 18% — женщины. В соотношении подростковой от 14 до 17 лет, взрослой преступной активности от 18 до 29 лет, от 30 и старше, соответственно 35%, 42% и 23%.

Дефекты психики нашли отражение в нравственно-психологических признаках. Причинами таких дефектов является:

- алкогольное и наркотическое опьянение;
- отсутствие адекватной реакции на происходящие события;
- психоневрологические состояния;
- гипертрофированное чувство опасности.

Направленность, ориентацию, мотивацию, способы, ролевое участие чаще всего относят к уголовно-правовым признакам [5].

В классификации личности стоит уделить внимание и индивидуально-психологическим критериям, а именно на:

- развитие интеллекта — уровень умственного развития, запаса слов, опыта;
- черты характера — экстраверт или интроверт;
- волевые качества — решительность, способность подчинять других;
- интересы;
- причины преступного опыта;
- склонности антиобщественные — употребление наркотиков, азартные игры;
- заболевания или зависимости — психопатия, наркомания, алкоголизм [4].

Литература:

1. Абдулкадырова М. А., Ахъядов Э. С. Особенности личности преступника. Грозный, 2021. 94–95 с.
2. Краткий курс по криминологии. М., 2014. 123 с.
3. Кучмезов Р. А. К вопросу о понятии личности преступника. Краснодар, 2018. 159–161 с.
4. Липский Н. А. Объективные признаки личности преступника и индивидуальное прогнозирование преступного поведения. СПб., 2017. 73–76 с.
5. Цеева С. К. Личность преступника: понятие, структура и типология. Майкоп, 2015. С. 308–311

Соучастие в неосторожной преступной деятельности. Отграничение соучастия в преступлении от неосторожного сопричинения

Минасарян Каро Арутюнович, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В данной работе автор рассматривает такой уголовно-правовой институт, как соучастие в неосторожной преступной деятельности, при этом сравнивая соучастие в преступлении с неосторожным сопричинением.

Ключевые слова: соучастие, соучастие в неосторожной преступной деятельности, сравнение соучастия в преступлении с неосторожным сопричинением.

Довольно часто, как в науке, так и на практике имеют место и описываются случаи, когда к совершению преступления причастны несколько лиц, но в их совместной преступной деятельности обязательные признаки, присущие институту соучастия в преступлении, отсутствуют. Вопрос, касающийся возможности совершения неосторожного преступления в соучастии, имеет многолетнюю историю. Дискуссия между сторонниками неосторожного соучастия и противниками подобного явления зародилась практически одновременно с появлением первых упоминаний о соучастии, как об самостоятельном уголовно-правовом явлении.

Если же говорить о настоящем времени, то с вступлением в силу с 1 января 1997 года УК РФ дискуссии относительно возможности соучастия в неосторожных преступлениях не угасли. Статья 32 УК РФ прямо указала, что в соучастии может быть совершено только умышленное преступление [1]. Как верно подметил В. А. Нерсисян «закон оставил вне границ соучастия все возможные случаи неосторожных действий нескольких лиц при совершении единого преступления, а также ситуации, в которых несколько лиц умышленно совершают преступление, влекущее неосторожные последствия» [2]. Иными словами, неосторожного соучастия нет и быть не может, оно осталось за пределами границ законодательного регулирования института соучастия в преступлении, однако, проблема и вопросы, касающиеся оснований уголовной ответственности лиц, которые своими взаимосвязанными действиями совершают единое неосторожное преступление осталась и является актуальным на современном этапе развития уголовного законодательства России.

На практике часто возникают случаи, когда в совершенном преступлении участвовало несколько лиц, но, не смотря на это, в их совместной преступной деятельности отсутствуют признаки соучастия. Похожие ситуации проиллюстрированы в доктрине уголовного права, а также находят свое отражение и в действующем Уголовном Кодексе РФ. Например, преступления, за которое предусматривается ответственность в соответствии с диспозициями ч. 1 и ч. 2 ст. 263. 1 УК РФ, в силу прямого указания нормы закона, являются, с субъективной стороны, совершаемыми при неосторожной форме вины. Части 3 и 4 ст. 263.1 УК РФ, содержат квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки указанных в ч. 1

и ч. 2 ст. 263. 1 УК РФ составов преступлений. Таким образом, законодатель прямо предусматривает возможность совершения неосторожных преступлений, предусмотренных ч. 1 и ч. 2 ст. 263.1 УК РФ группой лиц по предварительному сговору — ч. 3 ст. 263.1 УК РФ, и организованной группой — ч. 4 ст. 263.1 УК РФ. Другими словами, законодатель, говоря о совершении неосторожного преступления, тут же описывает признаки группового преступления. Данное обстоятельство приводит к противоречию со ст. 35 УК РФ: совершение преступления в составе группы лиц относится к институту соучастия, таким образом, в корне расходится с положениями главы 7 УК РФ, в частности ст. 32 УК РФ, которая прямо указывает, на невозможность совершения в рамках соучастия неосторожное преступление.

Действительно, в настоящее время нередки случаи совершения преступлений, в которых фигурирует взаимозависимая, взаимосвязанная и взаимозависимая преступная деятельность нескольких лиц, однако, при этом в такой деятельности отсутствуют те или иные составные признаки соучастия. В современной обстановке, в уголовной правовой доктрине, подобные случаи рассматривают через призму «неосторожного сопричинения».

Несмотря на то, что изучение многосубъектных неосторожных преступлений ведется с разных сторон и достаточно давно, единого понятия для определения данного уголовно-правового явления доктрина не выработала до сих пор. Одни ученые считают, что подобные уголовно-правовые явления необходимо называть неосторожным сопричинением, выступают за необходимость введения отдельной уголовно-правовой нормы. Другие предлагают определение — неосторожное причинение. Третьи считают, что подобная многосубъектная преступная деятельность укладывается в рамки института соучастия, всего лишь необходимо внести изменения в ст. 32 УК РФ, заменив дважды повторяющееся понятие «умышленное» на «виновное».

Популярностью в науке уголовного права, пользуется позиция Р. Д. Шарапова, который, среди других многосубъектных преступлений, не попадающих под нормы института соучастия, выделяет «неосторожное сопричинение». Он подчеркивает, что неосторожное сопричинение и соучастие в преступление имеет только один элемент сходства, а именно: сходство объективных признаков. То есть, как при соучастии, так и при неосто-

рожном сопричинении, важное место занимает совместное совершение несколькими — двумя и более лицами одного преступления. Грань отличий заключается в субъективной стороне: в форме вины, при которой совершается преступление. Институт соучастия имеет исключительно умышленный характер совершения преступления. При неосторожном сопричинении, действия лиц характеризуются либо небрежностью, либо легкомыслием [3].

Учитывая прогрессивную тенденцию роста количества неосторожных преступлений, которые связаны с индустриальным развитием всех сфер технической оснащённости человеческой жизни, внедрением подобных продуктов технического развития человеком в окружающую среду, область риска совершения групповых совместных неосторожных преступлений возрастает. Неосторожное сопричинение чаще всего проявляется в преступлениях, которые совершаются в области действия технических и других средств повышенной опасности, например, составы ст. 215 УК РФ (Нарушение правил безопасности на объектах атомной энергетики), ст. 219 (нарушение требований пожарной безопасности) УК РФ, ст. 267 (приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения) УК РФ, и другие составы преступлений, предусмотренные Особой частью УК РФ. Чаще всего, в доприступной деятельности субъектов группового неосторожного преступления, присутствует ясное осознание совместного характера деятельности, например, по эксплуатации средств повышенной опасности либо по обеспечению безопасности при проведении сложных технологических работ, когда сопричинители сознательно допускают нарушения установленных нормативных инструкции и правил, во взаимосвязи своей ведущих к совершению неосторожного преступления,

результат которого становится единым последствием для таких сопричинителей.

Возникают не мало трудностей при расследовании подобных происшествий, в соответствии с чем в настоящее время, все чаще, ученые говорят о необходимости внесения в УК РФ нового уголовно-правового института, либо о реформировании главы 7 УК РФ.

Одним из главенствующих позиций в российской правовой науке занимают мнения ученых, согласно которым, совершить неосторожное преступление в соучастии не представляется возможным, так как между лицами, действующими, хотя и совместно с одной стороны, отсутствует внутренняя субъективная совместность, единство направленности общего умысла (договоренности) на достижение единого, желанного, предвиденного и осмысленного преступного результата. Так считают Р.Д. Шарапова, Д. Савельева и т. д., они говорят, что к подобным ситуациям необходимо применять термин «неосторожное сопричинение». Представляется возможным выделить следующие признаки указанного правового явления: 1) единое неосторожное преступление; 2) неосторожная форма вины (легкомыслие или небрежность); 3) участие двух и более лиц, подлежащих уголовной ответственности (субъектов преступления); 4) взаимообусловленная и взаимосвязанная линия действий указанных лиц, предшествующая совершению преступления; 5) обязательная причинно-следственная связь между доприступными действиями субъектов и наступившими общественно-опасными последствиями.

На основании вышеописанных признаков можно дать следующее определение: неосторожным сопричинением признается совместное взаимосвязанное и взаимообусловленное участие нескольких, двух или более лиц, подлежащих уголовной ответственности, в совершении неосторожного преступления.

Литература:

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 30.12.2021) / СПС «Консультант Плюс».
2. Нерсесян В. А. Уголовная ответственность сопричинителей вреда по неосторожности / В. Нерсесян // Российская юстиция. 1999. № 10. С. 44–45.
3. Шарапов Р. Д. Соучастие в преступлении: закон, теория, практика // Lexrussica. 2016. № 10. С. 105–115.

Понятие координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью

Трунцевский Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор;

Селецкая Анастасия Сергеевна, студент магистратуры
Московский гуманитарный университет

В статье авторы пытаются определить проблемы деятельности прокуратуры и взаимодействия органов прокуратуры с иными правоохранительными органами.

Ключевые слова: преступность, правоохранительная деятельность, прокуратура, координация.

И зучая литературу, мы можем часто встретить такие термины, как «координация» и «взаимодействие». А. А. Максуров считает, что координационная деятельность — это форма деятельности, целью которой является достижение и закрепление должного равновесия между разными видами властной деятельности того или иного органа, направленное на более эффективную и результативную работу. Автор подчеркивает, что такую деятельность необходимо рассматривать в качестве деятельности, целью которой является обеспечение нужд и интересов общества, категории общества, гражданина в частности [4].

А. В. Кудашкин рассматривает понятие «координация» в тесной взаимосвязи с понятием «взаимодействие». В литературе, «координация» зачастую трактуется как четко согласованная деятельность разных государственных органов, направленная на один, общий результат. Координация деятельности правоохранительных органов в части противодействия преступности является ключевой задачей прокуратуры, выполняющей ее одновременно с множеством других задач, направленных на соблюдение законности и обеспечение верховенства права [3].

Термин «взаимодействие» часто применяется в работах и исследованиях, а также встречается в практической деятельности. М. Ф. Кобзарев подчеркивает, что этот термин обладает множеством значений и пониманий, поэтому его необходимо трактовать исходя из того, с точки зрения какой науки его рассматривают. Так, в качестве философской категории, взаимодействие рассматривается как эффективная деятельность субъекта в сочетании с иными, неподвластными ему субъектами [2].

Хочется подчеркнуть, что термин «взаимодействие» с точки зрения философии требуется изучать в качестве основополагающей категории. Так, философия говорит нам, что бытие может иметь разные формы, например, бытие природы, человека, бытие идеального и прочее. Таким образом, в «бытие» входят как формы, так и составляющие, органически взаимодействующие между собой. Любой объект в действительности так или иначе связан либо взаимодействует с другими, которые находятся рядом или вокруг него. По мнению К. Маркса, основные характеристики вещей выявляются исключительно под призмой их соотношения с другими, окружающими вещами.

Ряд исследователей говорит о том, что стоит увеличить значимость прокурорской работы. Прокуратура вы-

ступает в качестве такой структуры, у которой под координацией находится работа структуры правовой охраны как направленная на борьбу с преступными деяниями, так и на борьбу правовыми нарушениями [2].

Создатель концепции улучшения прокуратуры считает, что работник прокуратуры обязан координировать работу правовых структур, направленную на борьбу с преступными деяниями, а также борьбу с иными правовыми нарушениями, которые оказывают влияния на гражданские правомочия и государственную заинтересованность [5].

Следующая группа исследователей считает, что при координации прокурорской деятельности в отношении исполнения обязательств и исполнения законодательства структурами надзора, тогда данное приведет к тому, что прокуратура начнет разрешать функции власти исполнения [6]. Эти исследователи считают, что работу по борьбе с другими правовыми нарушениями, которые не включаются в число преступных деяний, прокурор не исполняет. Другой подход к данному вопросу значит увеличенную расшифровку сути предмета координации, а в большей степени числа лиц, которые принимают в ней участие [7].

Обратим внимание на то, что подавляющее количество исследователей определяют взаимоотношения, которые складываются между прокурорской структурой и иными властными структурами государства, в роли партнерства. Отличием данных партнерских отношений выступает то, что нет ответственности у лиц, которые принимают участие. Кроме того, выделяется объект, у которого есть права по надзору и управлению за выполнением.

В. Г. Бессарабов более 20 лет назад провел анализ того, как отнеслось более 700 прокуроров к мнению исследователей, которое выражается в том, что прокурорские структуры имеют возможность и обязаны координировать работу системы структур надзора со стороны государства в процессе исполнения от имени России контроля за выполнением законодательства, которое функционирует в стране. В процессе ответа на вопрос, который был задан, почти 80% сотрудников в полной мере или отчасти поддержали данное высказывание [8].

Вопрос выявления характеристик объекта посредством взаимодействия поднимался еще древними греками. К примеру, Гераклит был уверен, что природа вещей и явлений, их основные характеристики можно в полной мере установить посредством взаимодей-

ствия вещей и явлений. В 17 веке Ф. Бэкон высказывал мнение, что предметы, которые не имеют природного происхождения не существуют. Г. В. Ф. Гегель уже в 19 веке подчеркивал, что понятие всеобщего диалектического взаимодействия намного глубже представлений о линейных взаимодействиях. Иными словами, для познания какого-либо объекта необходимо выявить его признаки, исследовать их в динамике, то есть во взаимодействии с другими объектами. Можно утверждать, что мысль, характерная для XIX в., актуальна в современном мире.

Наука философия трактует взаимодействие в качестве категории, охватывающей влияние одних объектов на другие. Зачастую, взаимодействие может использоваться относительно любого объекта. Сложное взаимодействие составляет сущность материального мира.

Изучая юридическую сторону координации органов прокуратуры с другими органами по обеспечению правопорядка, необходимо остановиться на таких аспектах.

Первое. Надзорная деятельность органов прокуратуры по обеспечению законности в работе следственных и судебных органов. Эта функция реализуется прокура-

турой уже 100 лет, начиная с закрепления ее в Положении о прокурорском надзоре от 1922 года.

Второе. Координация деятельности органов прокуратуры и другими органами по обеспечению правопорядка. Положение о прокурорском надзоре от 1922 г. содержит прямое указание, что органы прокуратуры сформированы для противодействия преступности.

Однако сама координация их деятельности очень редко выступала предметом исследования в литературе. К примеру, некоторые аспекты координационной деятельности можно найти в архивах Генеральной прокуратуры СССР. Так, п. 4 приказа Генерального прокурора СССР № 53 «О мерах по дальнейшему совершенствованию деятельности органов прокуратуры в борьбе с преступностью и нарушениями законности» говорит о том, что прокурор должен принимать меры по недопущению и ликвидации непонимания и отсутствия координации в работе всех правоохранительных органов в части противодействия преступности. На прокурора в том числе возлагается обязанность регулярно анализировать и обсуждать текущий уровень преступности, устанавливать конкретные меры, направленные на координацию следственных мероприятий.

Литература:

1. Кобзарев Ф. М. Теоретические и прикладные проблемы координационной деятельности прокуратуры по борьбе с преступностью в современных условиях. Проблемы координации прокурором деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью: сб. материалов круглого стола (29 апреля 2015 г., г. Москва) / Под общ. ред. Ф. М. Кобзарева. М.: Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2015. С. 4.
2. Кобзарев, Ф. М. Прокуратура и суд в уголовном процессе: условия и формы взаимодействия / Ф. М. Кобзарев. — М.: Изд-во Моск. психолого-социального ин-та, 2017. — С. 104
3. Координация прокуратурой деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью: монография / под общ. ред. Ф. М. Кобзарева. — М.: Проспект, 2016. — С. 254
4. Максуров, А. А. Координационная деятельность в правовой системе общества: дис... канд. юрид. наук / Максуров Алексей Анатольевич. -Ярославль: Изд-во Ярослав. гос. ун-та, 2009. — С. 193
5. Мыцыков А. Смысл реформ-повышение эффективности надзора // Законность. 2017. № 1. С. 4.
6. Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. д-ра филол. наук, проф. Н. Ю. Шведовой. 12-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 2018. С. 683.
7. Паламарчук А. В. О задачах прокурорского надзора за исполнением законов о защите прав предпринимателей-Прокурорский надзор за исполнением законов о защите прав предпринимателей: научно-методическое пособие / Под общ. ред. начальника Главного управления по надзору за исполнением федерального законодательства Генеральной прокуратуры Российской Федерации, государственного советника юстиции 2 класса, кандидата юридических наук, заслуженного юриста Российской Федерации А. В. Паламарчука. М., 2018. С. 11.
8. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17.02.2015 № 2-П // СПС Консультант Плюс

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

Проблемы осуществления полномочий прокурором по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением

Ковалева Елизавета Анатольевна, аспирант

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

В статье автор анализирует некоторые проблемы при осуществлении прокурором полномочий по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением, и предлагает пути их решения.

Ключевые слова: обвинительное заключение, прокурор, следователь, уголовное дело.

В советские времена прокурорский надзор занимал роль высшего и всеобъемлющего, а позиция прокурора была решающей в вопросах обеспечения уголовного преследования. В то время процессуальное положение прокурора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства было стабильным.

Стоит отметить, что утверждение обвинительного заключения прокурором есть не что иное, как выражение воли государства, направленной на выполнение задач борьбы с преступностью. Именно на данном этапе при рассмотрении прокурором уголовного дела с обвинительным заключением наиболее остро затрагиваются интересы личности, в том числе право на защиту.

Вместе с тем, на сегодняшний день согласно с положениями ст. 221 УПК РФ прокурор лишен полномочий по внесению изменений в обвинительное заключение, по принятию решения о прекращении уголовного дела (уголовного преследования), по изменению объема обвинения либо квалификации действий обвиняемого.

Предварительное следствие завершается составлением обвинительного заключения только, когда полно, всесторонне и объективно исследованы все обстоятельства, подлежащие доказыванию (ст. 73 УПК РФ), предъявленное обвинение подтверждено имеющимися в деле доказательствами и при этом отсутствуют обстоятельства, влекущие прекращение уголовного дела.

Принимая решение по уголовному делу, поступившему к прокурору с обвинительным заключением, он проводит проверку законности, обоснованности и доказанности выводов органов предварительного следствия, оценивая в совокупности собранные следователем в ходе расследования доказательства.

Вместе с тем, весьма спорным является решение законодателя об исключении из ст. 221 УПК РФ нормы о прекращении прокурором уголовного дела либо уголовного преследования в отношении отдельных обвиняемых пол-

ностью или частично, если прокурор придет к выводу об отсутствии доказательств, устанавливающих их виновность [1, с. 17]. С учетом права прокурора согласно ч. 7 ст. 246 УПК РФ в качестве государственного обвинителя отказаться от обвинения полностью или частично, что влечёт прекращение уголовного дела или уголовного преследования судом.

Стоит подчеркнуть, что, в советское время в принятом в 1922 году Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР при наличии достаточных оснований прокурор был вправе направить в суд решение о прекращении дела (ст. 232 УПК РСФСР 1922 г.). К тому же, если было установлено, что для предания суду обвиняемого нет достаточных оснований, то прокурор обращался к суду и мог лично поддерживать свое предложение о прекращении уголовного дела в судебном заседании (ст. 228 УПК РСФСР 1922 г.). В действующем УПК РФ весьма спорным является решение законодателя об исключении из ст. 221 УПК РФ нормы о прекращении прокурором уголовного дела либо уголовного преследования в отношении отдельных обвиняемых полностью или частично. Если прокурор при рассмотрении уголовного дела, поступившего к нему с обвинительным заключением, придет к выводу об отсутствии доказательств, устанавливающих виновность обвиняемого лица, то он не вправе прекратить уголовное дело, а может лишь вернуть уголовное дело следователю для производства предварительного следствия. Однако прокурор вправе согласно ч. 7 ст. 246 УПК РФ в качестве государственного обвинителя отказаться от обвинения полностью или частично, что влечёт прекращение уголовного дела или уголовного преследования судом.

Как следует из положений ч. 3 ст. 88 УПК РФ прокурор вправе признать доказательство недопустимым по ходатайству подозреваемого, обвиняемого или по собственной инициативе. Доказательство, признанное недо-

пустимым, не подлежит включению в обвинительное заключение (ч. 3 ст. 88 УПК РФ). В таких случаях прокурор в силу п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ принимает решение возвратить уголовное дело с обвинительным заключением следователю для пересоставления обвинительного заключения, если остальных доказательств достаточно для установления вины обвиняемого.

Представляется, что в случае признания каких-либо доказательств недопустимыми при рассмотрении уголовного дела с обвинительным заключением прокурор, оценив оставшиеся доказательства с точки зрения достаточности для направления уголовного дела в суд, прокурор должен быть наделен полномочием внести изменения в обвинительное заключение самостоятельно и направить уголовное дело в суд. И только в случае, когда имеющихся в деле доказательств недостаточно для признания лица виновным в совершении преступления, уголовное дело должно быть направлено для производства

дополнительного расследования (п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ). Такие нововведения гораздо сократят сроки производства по делу и в конечном итоге будут, служит для реализации принципа разумного срока уголовного судопроизводства (ст. 6¹ УПК РФ).

Таким образом, в настоящее время законодательная регламентация важнейшего направления деятельности прокурора при утверждении обвинительного заключения нуждается в преобразовании. В частности, объем полномочий, которыми прокурор наделен на данной стадии уголовного процесса, явно недостаточен для эффективного осуществления уголовного преследования. Правозащитные функции прокуратуры в настоящее время не должны ослабляться, а должны усиливаться, в том числе и путем активизации осуществления полномочий прокурором по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением.

Литература:

1. Панфилова, Е. А. Актуальные проблемы осуществления полномочий прокурором по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением / Е. А. Панфилова. — Текст: непосредственный // Новый юридический вестник. — 2020. — № 5. — С. 17–18.

Обстоятельства, подлежащие установлению при расследовании превышения должностных полномочий, как элемент частной криминалистической методики расследуемого деяния

Миллер Виталия Игоревна, студент магистратуры

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

В статье автором определяется перечень обстоятельств, подлежащих установлению при расследовании превышения должностных полномочий, в качестве элемента частной криминалистической методики расследуемого деяния.

Ключевые слова: *превышение должностных полномочий, частная методика, криминалистическая характеристика, обстоятельства, подлежащие доказыванию*

Действительное, а не статистическое успешное противодействие, расследование и раскрытие превышения должностных полномочий, как и любого вида преступления, в современных условиях невозможно без знаний органом расследования рекомендаций и методики по расследованию рассматриваемого преступления, разработанных на базе судебной-следственной практики, имеющих свою комплексную научную обоснованность.

Каждое совершенное преступное деяние несет в себе признак индивидуальности, однако сам механизм имеет повторяющиеся свойства.

На основе повторяющихся свойств криминалистического механизма появляются и типичные элементы расследования: доказательства, средства и методы их получения. На основе данной совокупности, теоретической и практической деятельности разрабатываются методы расследования, конечным итогом чего является форми-

рование методики расследования конкретного вида преступления — частной методики.

Уровень и развитие криминалистической методики расследования превышения должностных полномочий должны отражать современные реалии. Превышение должностных полномочий имеет сложный характер, потому как затрагивает существенные права и законные интересы граждан, организаций, общества и государства, которые могут рассматриваться как самостоятельное деяние, так и быть частью другого преступления, поэтому и имеет трудности расследования.

Принимая во внимание уровень латентности, количество выявленных и раскрытых дел по превышению должностных полномочий, не отражает реальное положение дел.

Реализация методики превышения должностных полномочий невозможна без объективной информации, которая способствует определению отличия.

Объективная информация непосредственно раскрывается в криминалистической характеристике превышения должностных полномочий, а также обстоятельствах, подлежащих установлению, что помогает органу расследования выяснить наличие в рассматриваемом деянии состава преступления и в последующем определить алгоритм своих действий по раскрытию данного преступления, т. е. являются отправной точкой для построения методики расследования [1].

Если криминалистическая характеристика превышения должностных полномочий в силу своей абстрактности сводится к значимым индивидуальным признакам: личность субъекта, назначенного на должность, НПА, регулирующих деятельность, непосредственный предмет посягательства, механизм, способ совершения и результат деяния (причиненный вред), то круг обстоятельств, подлежащих установлению, определяется ст. 286 УК РФ, а также ст. 73 УПК РФ и иными статьями, вследствие чего является гораздо шире.

Элементы, составляющие и криминалистическую характеристику преступления, и круг обстоятельств, подлежащих доказыванию, имеют разные векторы научного познания. И хоть перечень, установленный ст. 73 УПК РФ строго определен законом, он не обладает признаками всесторонности, полноты и объективности, он носит системный характер, направленный на достижение задач, и требует существенной детализации по отношению признакам различной категории дел.

А криминалистическая характеристика конкретного преступления, в виде информационной модели, насыщает его системность. Поэтому правильное раскрытие и применение последней, способствует достижению задач самого предмета доказывания. Данные модели не подменяют или не заменяют друг друга, а существуют вместе в структуре частной криминалистической методике расследования [2].

На основе вышесказанного и анализе ст. 286 УК РФ и ст. 73 УПК РФ, необходимо выделить перечень обстоятельств, подлежащих установлению по делам, связанных с превышением должностных полномочий:

- действительно ли совершено превышение должностных полномочий, повлекшее существенное нарушение прав и законных интересов;
- где и когда произошло превышение должностных полномочий;
- кем были превышены должностные полномочия;
- является ли данное лицо должностным лицом, представителем власти, госслужащим;
- какие положения законодательства регулируют его деятельность;
- где устанавливается правовой статус данного лица;
- какими документами установлены полномочия лица;

Литература:

1. Земцова С. И. Криминалистические методики расследования преступлений: понятие, квалификация и перспективные направления развития // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2019. С. 27–39.

- какой срок осуществляемых полномочий (постоянно, временно);
- какие конкретно нормы законодательных и внутренних положений были нарушены;
- какие качества личности закрепляются в отзывах и других документах его служебной деятельности, содержащихся в материалах его личного дела (социальная и профессиональная характеристика);
- какое психофизиологическое состояние служащего, его особенности;
- какие противоправные действия предшествовали превышению должностных полномочий;
- в чем именно заключался механизм превышения должностных полномочий;
- какие действия по сокрытию превышения должностных полномочий были предприняты;
- что подтверждает осознанный характер превышения должностных полномочий;
- кто из других лиц присутствовал или принимал участие в превышении должностных полномочий, обладал ли данные лица должностным положением;
- какие обстоятельства подтверждают групповой или организованный характер превышения должностных полномочий, роль и степень соучастия;
- каковы мотивы превышения полномочий должностным лицом, характер заинтересованности;
- использовались ли оружие, специальные средства, насилие или угроза его применения, пытки при превышении должностных полномочий;
- какие существенные права и законные интересы граждан, организаций, общества, государства были нарушены;
- кому был причинен вред;
- какой размер вреда причинен, вследствие превышения должностных полномочий;
- какие обстоятельства исключают превышение должностных полномочий: смягчающие и отягчающие обстоятельства, а также обстоятельства, которые могут повлечь освобождение от уголовной ответственности;
- какие обстоятельства, свидетельствуют о наличии имущества или являющегося доходами от этого имущества, подлежащего конфискации, полученного при превышении должностных полномочий;
- какие обстоятельства способствовали превышению должностных полномочий.

Представляется, что указанный перечень обстоятельств, подлежащих установлению в рамках ст. 286 УК РФ, базирующийся на ст. 73 УПК РФ, может способствовать формированию полной картины совершенного деяния, установлению доказательственной базы, в том числе и причинно-следственной связи, определять последовательность действий органов расследования.

2. Иванов П. И. О частной криминалистической методике расследования преступления // Юристы-Правоведы. № 1 (96). 2021. С. 147–152.
3. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 14.07.2022, с изм. от 18.07.2022) // СЗ РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.
4. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 14.07.2022, с изм. от 18.07.2022) // Российская газета. № 249. 22.12.2001.

Некоторые аспекты рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей

Панфилов Илья Анатольевич, студент магистратуры
Иркутский государственный университет

В статье автор анализирует некоторые проблемы института суда присяжных заседателей в Российской Федерации, и предлагает пути их решения.

Ключевые слова: судья, потерпевший, обвиняемый, присяжные заседатели.

В соответствии с п. 2 ст. 47 Конституции Российской Федерации (далее — РФ) обвиняемый в совершении преступления имеет право на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей в случаях, предусмотренных Федеральным законом. Согласно ч. 4 ст. 123 Конституции РФ предусматривается осуществление правосудия с участием присяжных заседателей.

Стоит отметить, что суд присяжных заседателей в РФ практикуется не одно десятилетие, уже выработан большой объём материалов уголовных дел. Тем не менее, уголовные дела с участием присяжных заседателей имеет ряд вопросов, которые продолжают и по сей день.

При всех достоинствах института присяжных заседателей, существует ряд определенных вопросов. Во-первых, одним из аргументов несостоятельности суда присяжных заседателей является недостаточные юридические знания в сфере уголовного, уголовно-процессуального права. Вследствие может быть вынесено неверное решение при принятии вердикта. Во-вторых, присяжные заседатели не имеют судейского иммунитета и неприкосновенности, таким образом влияние и давление могут оказывать как сторона защиты, так и сторона обвинения. В-третьих, метод давления на присяжных заседателей может использовать защитник подсудимого, вызывая сочувствие и сопереживание, доказывая тем самым невиновность подсудимого. В-четвертых, кандидаты в присяжные заседатели зачастую имеют знания о судебном процессе лишь из средств массовой информации, которые крайне далеки от действительности.

Также, наряду с проблемными вопросами есть положительные черты суда присяжных. Граждане, которые являются в суд для участия в качестве присяжного заседателя, делают это осознанно, основываясь на своем жизненном опыте. Согласно законодательству, присяжные заседатели не обязаны иметь юридические знания, для этого существует судья, который разъясняет нормы закона.

Необходимо отметить ряд поправок, которые привнесли положительные результаты. Например, поправки,

связанные с расширением института присяжных заседателей. Главные изменения были внесены в Уголовно-процессуальный кодекс РФ. Роль присяжных заседателей увеличилась благодаря уменьшению числа присяжных заседателей, участвующих в судебном процессе, с двенадцати до восьми для судов субъектов Федерации и окружных военных судов, и в закреплении в количестве шесть человек присяжных заседателей для районных судов. Стоит отметить, что данные изменения являются позитивными, так как, в результате процедура отбора кандидатов стала гораздо проще. Также меньшее количество заседателей отражается и на расходах, направленных на присяжного заседателя.

Участие присяжных заседателей в районных судах законодательно закрепилось относительно недавно. Благодаря отзывам экспертов, число рассматриваемых с участием присяжных дел может увеличиться в 70 раз — до 15 тыс. в год. В первую очередь — за счет отнесения к компетенции присяжных дел по ч. 1 ст. 105 (убийство без отягчающих обстоятельств) и ч. 4 ст. 111 УК РФ (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее смерть потерпевшего). Ежегодно по ч. 1 ст. 105 выносятся приговоры в отношении 6–7 тыс. подсудимых, по ч. 4 ст. 111 — в отношении 5–6 тыс. Теперь они имеют право ходатайствовать о рассмотрении их дел судами присяжных. Такое изменение способствует укреплению статуса таких судов и расширит роль участия присяжных заседателей.

Вместе с тем, законодательно определены виды уголовных дел, рассматриваемые судами районного звена, с привлечением присяжных заседателей. Например, следующие составы: ч. 2 ст. 105, ст. 277, ст. 295, ст. 317, ст. 357 Уголовного кодекса РФ, кроме того дела о преступлениях, ответственность за которые предусмотрена ч. 1 ст. 105, ст. 111 Уголовного кодекса РФ.

Однако существует ряд аспектов, которые законодательно не решены. В частности, актуальный вопрос, связанный с безопасностью присяжных заседателей.

При особо значимых делах существует практика мер государственной защиты, требующая финансовых ресурсов. В следствии этого данная практика применяется крайне редко [1, с. 20].

Также существует проблема достоверности сведений, сообщенных кандидатами в присяжные заседатели. В практической деятельности нередкими являются ситуации, в которых присяжные заседатели не сообщили о прошлой работе, связанной с правоохранительными органами, о имеющейся судимости. Сокрытие данных обстоятельств является серьезным, в результате влечет за собой признание состава суда незаконным. Соответственно, необходимо, более детальное изучение сведений, поступивших от кандидатов в присяжные заседатели при их анкетировании в суде [2, с. 17].

Институт суда присяжных заседателей — важная часть гражданского общества и вносит существенный вклад

в развитие правопорядка. Вместе с тем, внедряются различные инновации, влияющие на качественную деятельность присяжных заседателей. В частности, сегодня используют информационные технологии для оперативного подбора присяжных заседателей, также присяжные используют консультирование у судей по поводу уголовного дела. Также, для усовершенствования суда присяжных заседателей необходимо более основательно формировать коллегия присяжных заседателей, применять систему психологического тестирования.

Развитие института суда присяжных заседателей не является идеальным, требуется еще существенные законодательные поправки. Кроме того, правосознание и уровень развития гражданского общества являются основополагающими звеньями в совершенствовании института суда присяжных заседателей.

Литература:

1. Быков, В. М. О совершенствовании производства в суде с участием присяжных заседателей / В. М. Быков // Российский судья. — 2015. — № 4. — С. 20–22.
2. Тарасов, В. Н. Тенденции и проблемы развития института суда присяжных в России / В. Н. Тарасов // Судья. — 2016. — № 5. — С. 15–19.

Практика применения главы 40 УПК РФ в мировой юстиции

Синицына Диана Андреевна, студент магистратуры

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

Роль мировой юстиции в неординарном вопросе о практике применения главы 40 УПК РФ явно недооценена. Именно в производстве судебных участков мирового судьи рассматривается более 98% уголовных дел в особом порядке в порядке гл. 40 УПК РФ. Специфика предметной подсудности уголовных дел в мировой юстиции такова, что категории дел, подлежащих рассмотрению мировым судьей, это разделение их на 2 вида: 1) уголовные дела частного обвинения (ч. 2 ст. 20 УПК РФ); 2) уголовные дела частного-публичного и публичного обвинения о преступлениях небольшой тяжести, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное УК РФ, не превышает 3 (трех) лет лишения свободы, за исключением дел о преступлениях, прямо указанных в ч. 1 ст. 31 УПК РФ [3].

Примечательно, что глава 40.1 УПК РФ в судопроизводстве мировых судей на практике практически не встречается.

Судопроизводство у мирового судьи схоже судопроизводству в федеральных районных судах и соответствует общим принципам уголовного судопроизводства суда первой инстанции (гл. 33–39 УПК). Закон не содержит прямых ссылок на исключения из общих принципов для мирового судьи, однако гл. 41 УПК РФ предусматривает указания, относящиеся к делам частного обвинения,

возбуждаемые в порядке ч. 4 ст. 20 УПК РФ. Это особый институт, встречающийся только у мирового судьи, и рассматривается исключительно им.

Переходя к сущности научного исследования в данной статье, выделим следующие основополагающие аспекты:

Цель исследования — провести комплексное организационно-правовое исследование практики применения мировым судьей главы 40 УПК РФ, раскрыть сущность понятия «уголовное судопроизводство у мирового судьи», выявить основные тактики применения на практике гл. 40 УПК РФ мировым судьей судебного участка, проанализировать взаимодействие участников уголовного судопроизводства в порядке главы 40 УПК РФ между собой.

Объект исследования — область общественных отношений, возникающих в процессе применения главы 40 УПК РФ мировым судьей судебного участка между его участниками.

Предмет исследования — нормативная база, регламентирующая порядок применения главы 40 УПК РФ в мировой юстиции, а также регламентирующая процессуальные права и обязанности участников уголовного судопроизводства.

Предварительное расследование и подготовка к судебному заседанию уголовных дел, рассматриваемых в порядке гл. 40 УПК РФ

В компетенцию мирового судьи в большинстве случаев входит рассмотрение уголовных дел частного-публичного и публичного обвинения о преступлениях небольшой тяжести, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное УК РФ, не превышает 3 (трех) лет лишения свободы, за исключением дел о преступлениях, прямо указанных в ч. 1 ст. 31 УПК РФ. Зачастую по уголовным делам, подсудным мировому судье проводится предварительное расследование в форме дознания (п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ), реже в форме следствия. Встречаются уголовные дела с проведением сокращенного дознания (гл. 32.1 УПК РФ).

По окончании дознания и составлении обвинительного акта уголовное дело направляется прокурору на утверждение, после в адрес судебного участка мирового судьи (п. 1 ч. 1 ст. 226 УПК РФ). К тому (томам) уголовного дела прилагаются: ходатайство обвиняемого с просьбой применения к нему особого порядка вынесения решения в связи с согласием с обвинением, сопроводительные письма, расписки о получении копии обвинительного акта.

После регистрации поступившего уголовного дела в канцелярии судебного участка, мировой судья анализирует письменные материалы уголовного дела и назначает его к слушанию в порядке гл. 33 УПК РФ. Уже на стадии ознакомления с делом мировой судья формирует собственное мнение о возможности проведения судебного заседания в особом порядке, поскольку в данном случае требуется наличие совокупности определенных факторов, четко перечисленных в законе в ст. 314 УПК РФ: а) обвиняемый осознает характер и последствия заявленного им ходатайства; б) ходатайство было заявлено добровольно и после консультации с защитником; в) государственный / частный обвинитель и потерпевший не возражают против заявленного ходатайства. Вышеперечисленные основания проверяются мировым судьей в ходе судебного заседания [10, с. 468].

Секретарь судебного заседания извещает необходимых лиц и высылает им либо вручает под расписку копию постановления о назначении судебного заседания вместе с судебными повестками.

Если имеются основания проведения предварительного слушания, предусмотренные ст. 229 УПК РФ, то мировой судья выносит постановление о назначении предварительного слушания и проводит его по правилам, указанные в гл. 34 УПК РФ. Действия секретаря аналогичны.

Судебное разбирательство уголовных дел, рассматриваемых в порядке гл. 40 УПК РФ

Рассмотрение подобных уголовных дел в судебном заседании мировым судьей первой инстанции происходит по общим правилам судебного разбирательства, закреплённым в российском законодательстве (ст. 321 УПК РФ), включая особенности, предусмотренные ч. 3, 5 ст. 321 УПК РФ.

По общему правилу начало рассмотрения дела по существу не может быть начато раньше 7 суток (период не-

возможно ограничить по ч. 2 ст. 321 УПК РФ) со дня вручения обвиняемому копии обвинительного заключения или акта, что подтверждается распиской. Данная мера предоставляет время подсудимому ознакомиться с заключением/актом и подготовить свою позицию по делу.

После поступления уголовного дела в суд, анализирования материалов дела мировым судьей, его постановлением назначается дата рассмотрения уголовного дела по существу. Дата не должна быть позднее 14 суток со дня вынесения мировым судьей постановления о его назначении (ч. 1 ст. 233 УПК РФ). Для производства по уголовным делам у мирового судьи именно этот срок сокращается, поскольку его исчисление начинается раньше — со дня поступления в суд заявления или уголовного дела, а не со дня вынесения судьей постановления о назначении судебного заседания. Это следует признать одним из изъятий из общего порядка рассмотрения уголовных дел [9, с. 394].

Как уже отмечалось выше, в подавляющем большинстве случаев уголовные дела рассматриваются в особом порядке в связи с согласием обвиняемого с предъявленным ему обвинением (гл. 40 УПК РФ). На стадии предварительного следствия, после ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела ему предоставляется право заявить ходатайство о рассмотрении уголовного дела в отношении него в особом порядке. Оно должно быть заявлено добровольно, после консультации с защитником, лицо должно понимать последствия подобного рассмотрения, а именно: недопустимо обжаловать приговор в части виновности либо невиновности лица, а только в части назначенного наказания, если лицо по-считает его слишком строгим [11].

Рассмотрение дела проходит только в единоличном составе суда. Мировой судья контролирует и направляет ход судебного следствия, обеспечивает условия для осуществления лицами, участвующими в деле, своих прав и обязанностей в полном объеме.

По всем без исключения делам частного-публичного и публичного обвинения на стороне обвинения присутствует государственный обвинитель — помощник межрайонного прокурора, в редких случаях — дознаватель/следователь. Такое делегирование полномочий происходит решением надзирающим прокурором о предоставлении полномочий поддержания обвинения при утверждении обвинительного заключения/акта своей резолюцией. Удостоверение возложенных процессуальных полномочий подтверждается официальным сопроводительным письмом от прокурора на имя мирового судьи вместе с материалами уголовного дела. Содержание письма обязательно должно включать в себя: 1) совокупность конкретных процессуальных полномочий; 2) какой именно представитель органа будет поддерживать государственное обвинение (ч. 5 ст. 246 УПК РФ). Стоит обратить внимание, что только прокуратура является исключительным носителем обвинительной власти, следит за достаточностью, законностью, обоснованностью, пределов предъявленного обвинения. Также нельзя отме-

титель тот факт, что только прокурор может обжаловать приговор либо постановление мирового судьи, которое не вступило в законную силу, посредством мотивированного апелляционного представления. Поэтому на представителя органа дознания, выступающего в качестве государственного обвинителя, распространяются правила, содержащиеся в ч. 5 ст. 246 УПК, — он пользуется всеми процессуальными правами государственного обвинителя как стороны в деле. В тоже время самостоятельно распоряжаться обвинением, например отказаться от его поддержания полностью или частично или изменить обвинение, он, не получив на это согласия надзирающего прокурора, не может [10, с. 468].

По поступившим уголовным делам, содержащим обвинительный акт либо обвинительное заключение мировой судья правомочен избрать, продлить меру пресечения подсудимому (подсудимым), в том числе и заключение под стражу. Как и многие постановления, оно также может обжаловаться по ст. 354 УПК РФ в апелляционной инстанции. В случае поступления апелляционной жалобы, касаемо меры пресечения, апелляционной инстанции (районному суду) установлены укороченные сроки для принятия решения — не позднее 3 (трех) суток со дня вынесения постановления мирового судьи (ч. 11 ст. 108 УПК РФ).

Судебное заседание начинается с объявления даты, места, наименования судебного участка, время, состава суда. Далее устанавливается явка, вызванных в судебное заседание лиц. Председательствующий знакомит участников процесса с регламентом судебного заседания, с мерами воздействия за нарушение порядка в судебном заседании в соответствии со ст. 257–258 УПК РФ. Особую детальность приобретает изучение личности подсудимого — помимо стандартных данных, таких как фамилия, имя, отчество, год рождения, место рождения, место регистрации и фактического проживания, гражданства, устанавливается семейное положение, наличие на иждивении престарелых родителей, несовершеннолетних детей, образование, информация о судимости, состояние на учете в НД и ПНД. После этого проверяется факт получения обвиняемым копии обвинительного заключения/акта, а также информация о мере процессуального принуждения.

Председательствующий объявляет состав суда, а также сообщает, кто является государственным обвинителем, защитником, секретарем судебного заседания, разъясняет право отвода, судье, государственному обвинителю, защитнику, секретарю. Разъясняет права и обязанности подсудимому, предусмотренные УПК РФ, ст. 51 Конституции, а после опрашивает участников процесса, имеются ли у них ходатайства.

После разрешения вопроса о ходатайствах, а это зачастую приобщение к материалам уголовного дела документов, имеющих существенное значение, председательствующий выясняет у подсудимого, поддерживает ли он свое ходатайство о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства, заявлено ли это

ходатайство добровольно и после консультации с защитником, осознает ли он последствия постановления приговора без проведения судебного разбирательства, разъясняет последствия постановления приговора без проведения судебного разбирательства — ст. 317 УПК РФ. Председательствующий объявляет об окончании подготовительной части судебного следствия и переходит к судебному следствию.

Государственный обвинитель встает и излагает предъявленное подсудимому обвинение с указанием доказательств, вложенных в обоснование обвинения. Председательствующий спрашивает подсудимого, понятно ли ему обвинение, согласен ли он с обвинением. При особом порядке рассмотрения дела подсудимый соглашается с обвинением в полном объеме, признает свою вину, в содеянном раскаивается. Председательствующий предлагает задать участникам процесса вопросы подсудимому, если таковые имеются. Обычно вопросы сторон касаются области назначения наказания, такие как наличие работы, уровень месячного заработка — при назначении наказания в виде штрафа, а также наличие на иждивении кого-либо из близких родственников, их состояние здоровья, и материальное положение.

После исчерпания вопросов, суд переходит к оглашению материалов дела, характеризующих личность подсудимого. К ним относятся: требования о судимостях, справки из НД, ПНД, характеристики с места жительства, работы, учебы, свидетельства о рождении детей, копии приговоров, медицинские справки и т. д.

Если дополнений к материалам дела не имеется, суд объявляет об окончании судебного следствия и переходит к выслушиванию судебных прений. Первым выступает государственный обвинитель, обращает внимание суда на смягчающие и отягчающие обстоятельства совершенного преступления, данные о личности, степень общественной опасности совершенного преступления, а также иные обстоятельства, такие как наличие неснятых и непогашенных судимостей. Просит суд назначить справедливое наказание, позволяющее исправиться подсудимому и быть реально исполненным. На практике зачастую сторона обвинения просит суд назначить наказание в виде штрафа, обязательных, исправительных работ. Наказание в виде лишения свободы встречается в мировой юстиции редко. Защитник в свою очередь указывает исключительно на смягчающие обстоятельства и просит суд назначить минимально возможное наказание. Подсудимый вправе также выступить в судебных прениях, но может и отказаться.

После стадии судебных прений суд предлагает сторонам воспользоваться правом реплик.

Далее подсудимому предоставляется последнее слово в обязательном порядке, где он вправе высказаться относительно меры наказания, как правило, просит суд строго его не наказывать, обещает подобного более не совершать. Поскольку в силу ч. 5 ст. 316 УПК РФ могут быть исследованы лишь обстоятельства характеризующие личность подсудимого, и обстоятельства, смягчающие и отяг-

чающие наказание, суд не вправе отказать подсудимому в последнем слове высказаться, в том числе и по этим вопросам в порядке ст. ст. 292, 293 УКП РФ [7].

В итоге суд удаляется в совещательную комнату, тайну которой нарушать нельзя, что является основанием для отмены приговора либо постановления. После постановления судебного акта он обязательно провозглашается в присутствии участвующих в деле лиц, его копии, заверенные надлежащим образом, выдаются участникам судебного заседания под расписку. Если кто-либо из лиц не присутствовал при оглашении, то копия акта высылается ему по почте. В обязательном порядке мировым судьей разъясняются срок, порядок и объем обжалования приговора, право на ознакомление с протоколом судебного заседания, а также порядок и срок подачи замечаний на него.

Судебное заседание объявляется закрытым. Составляется протокол судебного заседания в течение 3 (трех) дней и подписывается мировым судьей и секретарем. Также следует отметить, что с 2020 г. в судебных участках активно внедряется аудиопотоколирование, что подразумевает под собой ведение аудио- и видеофиксации судебного заседания и прикрепление записи в базе данных. По заявлению лиц, участвующих в деле, файл возможно изъять из базы и предоставить копию на ознакомление. Диск с записью судебных заседаний хранится в материалах уголовного дела.

Особое внимание заслуживает возможность проведения у мирового судьи судебного слушания в отсутствие не только потерпевшего при заявлении им письменного ходатайство о рассмотрении дела в свое отсутствие, но и самого подсудимого в соответствии с ч. 4 ст. 247 УПК РФ. В данном случае ему посылается копия приговора либо постановления по почте с разъяснением прав на обжалование.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 14.07.2022 г., с изм. и доп., вступ. в силу с 25.07.2022 г.).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 09.03.2022 г., с изм. и доп., вступ. в силу с 17.03.2022 г.).
3. Федеральный закон от 17.12.1998 г. № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации».
4. Федеральный закон от 29.12.2010 г. № 433-ФЗ «О внесении изменений в УПК РФ и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) РФ».
5. Федеральный закон от 23.07.2013 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в УПК РФ и статьи 1 и 3 Федерального закона «О внесении изменений в УПК РФ и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) РФ».
6. Федеральный закон от 24.02.2021 г. № 15-ФЗ «О внесении изменений в УПК РФ».
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.12.2006 г. № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел».
8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.06.2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве».
9. Батычко В. Т. Уголовный процесс, учебник для ВУЗов // Таганрог. 2016 г.
10. Рыжаков А. П. Уголовный процесс, учебник для ВУЗов, 11-е изд., испр. и доп. // М. 2017 г.
11. Давыдов В. А., Дорошков В. В., Колоколов Н. А., Степалин В. П., Червоткин А. С. «Практика применения Уголовно-процессуального кодекса РФ» (под ред. д. ю. н., проф. Лебедева В. М., 7-е изд., перераб. и доп.), «Юрайт». 2016 г.

В делах частного-публичного и публичного обвинения также возможно прекращение производства посредством примирения сторон по преступлениям небольшой и средней тяжести в порядке ст. 25 УПК РФ. Согласно ст. 76 УПК РФ Лицо, впервые совершившее преступление указанных выше степеней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причиненный ему вред. Мировой судья в ходе судебного заседания на стадии ходатайств приобщает к материалам дела заявления от подсудимого и потерпевшего либо гражданского истца о примирении [8].

Заключение

Изучая уголовно-процессуальное законодательство можно выделить следующие отличия уголовного судопроизводства у мирового судьи: 1) состав суда исключительно единоличный; 2) состав участников — только у мирового судьи возможно выступать в качестве защитника лицу, не имеющему статус адвоката. Для этого обвиняемый заявляет ходатайство о допуске данного лица к участию в деле в качестве защитника; 3) особая подсудность — мировой судья вправе рассматривать уголовные дела о преступлениях небольшой тяжести, наказание за которые не превышает 3-х лет лишения свободы (ч. 1 ст. 31 УПК РФ) и дела частного обвинения (ст. 318 УПК РФ). Сюда же относятся и дела публичного и частного-публичного обвинения, по которым досудебная подготовка может производиться как в форме дознания, так и в форме предварительного следствия; 4) сроки рассмотрения — сокращенные, а именно назначение судебного заседания обязано быть назначено не позднее 14 суток и не ранее 3-х суток со дня поступления уголовного дела в канцелярию судебного участка и его регистрации в ПК «Мировые судьи» или заявления частного обвинителя (п. 2 ст. 321 УПК РФ).

Причины ничтожно малого числа оправдательных приговоров в России

Хакимова Наталья Олеговна, студент магистратуры
Удмуртский государственный университет (г. Ижевск)

В данной статье рассматриваются возможные причины снижения количества оправдательных приговоров при отпращивании правосудия в России.

Ключевые слова: оправдательный приговор, реабилитация невиновного, право на реабилитацию, вердикт коллегии присяжных заседателей.

Reasons for the negligible number of acquittals in Russia

This article discusses the possible reasons for the decrease in the number of acquittals in the administration of justice in Russia.

Keywords: acquittal, rehabilitation of the innocent, the right to rehabilitation, the verdict of the jury.

Согласно обнародованным итогам работы судов 2021 года известно, что в 2021 году суды рассмотрели 770 000 уголовных дел в отношении 783 000 человек и вынесли обвинительные приговоры в отношении 601 000 человек. Оправдали только 2100 из общего числа подсудимых, при этом 372 оправдательных приговора были вынесены с участием присяжных [1]. Указанный показатель составляет менее 0,28% и, по сути, является ничтожным.

Вместе с тем, в целях выяснения причин малого количества оправдательных приговоров, следует рассмотреть факторы, которые препятствуют или же наоборот способствуют вынесению оправдательного приговора.

Одним из позитивных факторов, влияющих на снижение процента вынесения оправдательного приговора, является высокий профессионализм сотрудников органов предварительного расследования, в результате надлежащего исполнения ими своих должностных обязанностей по расследованию преступлений составляется обвинительное заключение либо обвинительный акт, включающий в себя достаточный объем доказательств, подтверждающих виновность обвиняемого. Соответственно в отношении невиновных еще на стадии предварительного следствия выносится постановление о прекращении уголовного дела.

А если основания для прекращения уголовного дела на стадии следствия по реабилитирующим основаниям отсутствуют, предъявлено обвинительное заключение (акт) и дело передано в суд, то уже в ходе судебного разбирательства сторона защиты неспособна привести достаточно аргументов, опровергающих виновность и непричастность обвиняемого, что свидетельствует о невозможности вынесения оправдательного приговора по завершению судебного разбирательства.

Таким образом, отказ в возбуждении уголовного дела или прекращение уголовного дела на стадии предварительного расследования, при наличии оснований, предусмотренных главой 4 УПК РФ, выступает процессуальной гарантией против необоснованного судебного разбирательства. То есть, на стадии предварительного расследования прекращается уголовное дело в связи с отсутствием

достаточных доказательств виновности обвиняемого, не допуская перехода дела на стадию судебного разбирательства и вынесения оправдательного приговора.

Однако по мнению профессора И. Л. Петрухина причинами малого количества вынесенных оправдательных приговоров выступают:

1. снижение стандартов доказывания;
2. понижение качества следствия;
3. профессиональная солидарность судей, органов следствия и дознания.
4. давление на суд обвинительных органов [5].

С точкой зрения И. Л. Петрухина сложно не согласиться, и вот какие доводы могут быть использованы в защиту подобной точки зрения.

Вынесение оправдательного приговора — является прямым свидетельством ненадлежащего исполнения своих должностных обязанностей следователями и прокурором. Судья принимает решение по закону и внутреннему убеждению. В данном случае оправдательный приговор говорит о том, что доказательства, предоставленные стороной обвинения, были недостаточны для подтверждения вины человека в том, в чем его обвиняют.

На подготовительной стадии судья знакомится с уголовным делом и, если он находит какие — либо процессуальные нарушения, он вправе возвратить уголовное дело прокурору для решения вопроса о проведении дополнительного расследования. Если же судья не выявит эти нарушения и примет дело к рассмотрению в судебном заседании, он не несет какой-либо ответственности. В своих действиях суд свободен в принятии решения и руководствуется исключительно законом и внутренним убеждением.

В личном деле судьи не отражается количество вынесенных судьей оправдательных и обвинительных приговоров. Заносится общее количество дел. Судья выносит решение на основании достаточности, обоснованности, законности и справедливости. Никто не может повлиять на решение судьи. Судья никому не подотчетен.

Что же касается государственного обвинителя, но несмотря на то, что пункт 1.3 Приказа Генерального про-

курора РФ № 376 прямо указывает, что прокурорам, поддерживающим государственное обвинение, следует учитывать, что отказ от уголовного преследования невиновных и их реабилитация в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и поддержание обоснованного обвинения, за оправдательный приговор может быть наложено дисциплинарное взыскание в виде выговора от вышестоящего прокурора [2].

Это обусловлено следующим: прокурор рассматривает уголовное дело, поступившее с обвинительным постановлением и принимает по нему одно из решений:

1. об утверждении обвинительного постановления и о направлении уголовного дела в суд;
2. о возвращении уголовного дела в случае его несоответствия требованиям УПК РФ.

Следовательно, в случае, когда судья вынес оправдательный приговор, то прокурор ненадлежащим образом рассмотрел и проверил уголовное дело, поступившее из следственных органов и, свидетельствует о недостаточности надзора прокуратуры за деятельностью органов предварительного следствия.

В свою очередь следователь, проводивший расследование и подписавший обвинительное заключение (руководитель органа дознания, утвердивший обвинительный акт), в случае постановления оправдательного приговора также привлекается в дисциплинарной ответственности за допущенные органами следствия нарушения при сборе и закреплении доказательств, которые повлекли уменьшение доказательственной базы по делу в судебном заседании, породившие сомнения в виновности подсудимого и которые затем истолковывались судами в пользу последнего.

Наличие таких негативных последствий при постанове оправдательного приговора для прокурора, подписавшего постановление о направлении дела в суд и следователя, подписавшего обвинительное заключение, свидетельствуют о том, что должностные лица стороны обвинения всеми способами будут способствовать постановке обвинительного приговора, а в случае невозможности такового, будут предпринимать попытки прекращения уголовного дела еще на этапе предварительного следствия.

Также в научной литературе существует спорное и заслуженно критикуемое мнение, что многие судьи оценивают себя, как орган борьбы с преступностью, который защищает интересы государства [6].

Этой точки зрения вторит К. Б. Калиновский, указывая, что обвинительный уклон — это готовность судьи согласиться с предъявленным обвинением, не задаваясь вопросами состязательности, справедливости и презумпции невиновности, забывая о назначении уголовного судопроизводства [5].

Анализируя указанную позицию, следует указать, что, к сожалению, при таких обстоятельствах требования законодательства, которые предусматривают оценку доказательств на основе закона и внутреннего убеждения судьи, не применяются.

В защиту этой спорной точки зрения ряд авторов указывает, что обвинительный уклон прослеживается и в вышестоящих судах, которые отменяют оправдательные приговоры чаще, чем обвинительные [8].

Согласно статистике, каждый третий обжалованный оправдательный приговор отменяется вышестоящими судами. Отсюда вытекает опасение судей первой инстанции за свое должностное положение и дальнейшую карьеру, так как оправдательный или обвинительный приговор не влияют на карьеру, а вот сам по себе отмененный приговор свидетельствует о недостаточно высокой квалификации [4]. К примеру, в 2021 году отменены обвинительные приговоры в отношении 93 лиц и оправдательные приговоры в отношении 235 лиц [1].

Наличие такой ситуации может побуждать у судьи личный интерес, в вынесении приговора ссылаясь не на внутреннее убеждение, основанное на совокупности доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью, а приговор, который в последующем не будет отменен, где беспристрастность и предназначение уголовного судопроизводства уходят на второй план, поскольку судья осознает и справедливо полагает, что прокуратура будет в обязательном порядке обжаловать вынесенный приговор за его мягкостью.

Согласно данным Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации с участием присяжных заседателей было рассмотрено 1019 дел в отношении 1150 лиц, из которых осуждено 68%, оправдано — 32% обвиняемых [1]. Количество оправданных лиц увеличилось по сравнению с предыдущим годом.

Можно сделать вывод, что рассмотрение уголовных дел с участием присяжных заседателей является фактором, способствующим вынесению оправдательного приговора.

Большое количество вынесенных оправдательных вердиктов объясняется тем, что при их вынесении присяжные заседатели руководствуются своим внутренним убеждением и совестью как установлено в части 1 статьи 332 УПК РФ.

Присяжные заседатели не рассматривают вину как психологическое отношение подсудимого к содеянному, не устанавливают ее форму. Ввиду отсутствия юридического образования присяжные заседатели, основываясь на собственном жизненном опыте, дают оценку социальной вредности деяния, совершенного обвиняемым, и соответствие его представлениям о нравственности и морали, исходя из фактических обстоятельств дела. А также не боятся отмены приговора.

Однако, все же стоит отметить, что большой объем оправдательных приговоров, вынесенных на основе вердикта присяжных заседателей, впоследствии были отменены. Возможно, именно по этой причине у Верховного суда РФ в планах на 2022 год значится принятие постановления Пленума ВС РФ по вопросам отбора присяжных заседателей, соблюдения тайны совещания присяжных заседателей и оснований отмены приговоров, постанов-

ленных на основании вердиктов коллегии присяжных заседателей [1].

Еще одним из факторов, способствующих вынесению судьями оправдательного приговора, можно отнести неправомерные действия уполномоченных органов предварительного расследования. Следственная ошибка — это отступление следователя от требований уголовно-процессуального закона, повлекшее принятие решений, которые препятствуют достижению целей расследования [7].

Оправдательный приговор крайне редкое явление в системе правосудия Российской Федерации и составляет менее 0,28% от всех вынесенных приговоров. При этом, каждый третий оправдательный приговор отменяется и выносится обвинительный приговор.

К сожалению, оправдательный приговор несет позитивные изменения только для лица, подвинувшегося незаконному уголовному преследованию и стороны защиты, для должностных лиц прокуратуры и след-

ственных органов оправдательный приговор означает наложение дисциплинарных взысканий, а для конкретной судьи риск отмены вынесенного оправдательного приговора и замены его на обвинительный возрастает на 33%. Возможно, именно поэтому большинство уголовных дел оканчиваются по реабилитирующим основаниям еще на стадии предварительного следствия не доходя до суда.

Вместе с тем, следует помнить, что вынесение оправдательного приговора является одним из инструментов защиты личности от незаконного и необоснованного осуждения и требует комплексного анализа, качество которого зависит от знаний и профессионализма судей. Повышение эффективности организации работы по объективному и беспристрастному рассмотрению уголовных дел и вынесение справедливых решений является основной задачей судебной системы на сегодняшний день.

Литература:

1. Верховный суд РФ. Официальный сайт. Председатель ВС РФ подвел итоги работы судов за 2021 год. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.vsrif.ru/press_center/mass_media/30781/
2. Приказ Генпрокуратуры России от 30.06.2021 № 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» // «СПС — Консультант Плюс».
3. Калиновский К. Б. Обвинительный уклон в уголовном судопроизводстве: нормативные предпосылки в действующем российском законодательстве / К. Б. Калиновский. // Обвинение и оправдание в постсоветской уголовной юстиции. — Норма, 2019. — С. 93–103.
4. Миронова М. А. Факторы, препятствующие вынесению оправдательного приговора. Вестник Саратовской юридической академии. 2017 С. 197.
5. Петрухин И. Л. Оправдательный приговор и право на реабилитацию / И. Л. Петрухин. — Проспект, 2009. — 45 с.
6. Чупилкин Ю. Б. Как разорвать «обвинительную связку» между судом и правоохранительными органами? / Ю. Б. Чупилкин // Адвокатская практика. — 2016. — № 3. — С. 53–58.
7. Шейфер, С. А. Досудебное производство в России: этапы развития, следственной, судебной, и прокурорской власти. / С. А. Шейфер. — Норма, 2017. — 192 с.
8. Щиголев, Ю. В. Поворот к худшему недопустим. / Ю. В. Щиголев, Д. М. Боротко. — Текст: непосредственный // Новая адвокатская газета. — 2018. — № 17. — С. 2–9.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Понятие и способы имплементации норм международного спортивного права в Российской Федерации

Каримов Тимур Виленович, аспирант
Казанский (Приволжский) федеральный университет

В настоящее время спорт (в особенности на международном уровне) по своему влиянию выходит далеко за рамки пропаганды здорового образа жизни и физической культуры в обществе. Профессиональные спортсмены — известные фигуры в обществе, которые часто задают повестку дня в средствах массовой информации и широкой общественности, крупные международные и национальные турниры являются предметом особого внимания очень большого количества людей. В этих условиях спорт неизбежно становится площадкой, отражающей политические интересы государств и динамику развития международных отношений. В этой связи совершенно очевидно, что в настоящее время существует отдельная сфера общественных отношений, связанная с защитой национальных и международных общественных интересов в спорте. Новые спортивные достижения способствуют не только повышению авторитета государства и нации, но и росту национального здоровья и самосознания, а также продуктивному становлению и полноценному гармоничному развитию человеческой личности, приобщенной к спорту и физической культуре. Вследствие этого правовое регулирование сферы физической культуры и спорта приобретает в настоящее время особую актуальность и нуждается в дальнейшем развитии в соответствии с современными реалиями российского общества.

Ключевые слова: спорт, международное право, имплементация, нормы, спортивное право, способ, проблема.

The concept and methods of implementation of the norms of international sports law in the Russian Federation

At present, sports (especially at the international level) in their influence go far beyond the promotion of a healthy lifestyle and physical culture in society. Professional athletes are well-known figures in society who often set the agenda in the media and the general public, major international and national tournaments are the subject of special attention by a very large number of people. Under these conditions, sport inevitably becomes a platform that reflects the political interests of states and the dynamics of the development of international relations. In this regard, it is quite obvious that at present there is a separate sphere of public relations associated with the protection of national and international public interests in sports. New sports achievements contribute not only to increasing the prestige of the state and the nation, but also to the growth of national health and self-awareness, as well as to the productive formation and full-fledged harmonious development of the human personality, involved in sports and physical culture. As a result, the legal regulation of the sphere of physical culture and sports is currently acquiring special relevance and needs further development in accordance with the modern realities of Russian society.

Keywords: sport, international law, implementation, norms, sports law, method, problem.

Спорт стал неотъемлемой частью жизни всего общества двадцать первого века. Каждый человек прямо или косвенно связан с данным социальным институтом. Так, для большинства людей, спорт — это простой и эффективный способ получить удовольствие, постоянно оставаться в хорошей физической форме и поддерживать состояние своего здоровья, для других же людей, спорт играет самую важную роль в их жизни. Для таких людей спорт является основным источником существования, трудным и долгим путем достижения всенародной славы и всеобщего признания. Спорт — это постоянно развива-

ющаяся система, организованная по определённым правилам деятельность людей, которая состоит из их физических или интеллектуальных способностей, и которая из года в год совершенствуется.

В России в том числе спорт играет важную роль и занимает важное место в жизни всего населения страны. Правительство динамично активно инвестирует в эту сферу для своего развития и совершенствования. В современном мире сейчас большое количество россиян активно занимается физкультурой и спортом, особенно молодежь, которая начинает придерживаться здорового

образа жизни. С развитием спортивной индустрии растет потребность в ее регулировании на законодательном уровне [4, с. 178].

На фоне развития международного спортивного права, представляется важным и необходимым соответствующее правовое регулирование спортивных правоотношений не только на международном, но и на национальном уровне.

Российская регламентация в области спорта имеет ряд недостатков. В числе наиболее ярких стоит обозначить: отсутствие соответствующей правовой системы о спорте и необходимой организованности внутренних связей, существование существенного количества конфликтующих друг с другом нормативно-правовых актов различных уровней; наличие значительного числа пробелов в отечественном законодательстве и т. д. [5, с. 456].

Не вызывает никаких сомнений тот факт, что в процессе разработки и принятия законодательства о спортивных отношениях российские законодатели должны обращаться к опыту зарубежных коллег. На сегодняшний день Россия присоединилась к огромному количеству соглашений и конференций, принятых на международном уровне. В то же время, отдельные положения обозначенных документов должны обладать лишь рекомендательным характером. Включаться в отечественное законодательство должны только те международно-правовые нормы о спорте и физической культуре, которые подтвердили свою эффективность на примере опыта других стран [2, с. 130].

Изучение и рассмотрение положительного зарубежного опыта в эффективном регулировании отношений, возникающих в сфере физической культуры и спорта, важно для совершенствования норм отечественного спортивного права, в том числе для кодификации российского спортивного законодательства, и является одной из основных причин развития международного сотрудничества Российской Федерации с зарубежными странами. Еще одна важная причина — необходимость согласования и объединения национального законодательства России в области физической культуры и спорта с нормами международного права.

Для обозначения сложного процесса применения международных стандартов и их применение в национальное законодательство в современной юридической и научной литературе используется термин «имплементация» (от английского «реализация» — внедрение, внедрение). Под имплементацией понимается один из методов юридической инженерии, используемых при создании нового стандарта или изменении существующего стандарта национального законодательства в соответствии со стандартами договора или соглашения.

Литература:

1. Аминова Р. Р. Спорт как мягкая сила в современных международных отношениях // Р. Р. Аминова, Б. Г. Ахметкаримов / Международные отношения и общество: сб. трудов. 2019. № 4. С. 80.

Выделяется три основных способа имплементации норм международного спортивного права в национальное спортивное право: *трансформация* (переработка норм соответствующего международного договора/акта для их перенесения в национальное законодательство), *инкорпорация* (нормы воспроизводятся в национальном законодательстве без каких-либо изменений) и *способ включения отсылок* (нормы непосредственно не включаются в текст закона, а лишь содержится упоминание о них).

Важной составляющей международно-правового механизма, осуществления прав человека в спортивной сфере является законотворческая деятельность специальных международных спортивных организаций и ассоциаций. Важно отметить, что недостаточно закрепить те или иные нормы и провозгласить их, так как необходима четкая выработка гарантий их реализации. Положения общепризнанных документов, принятых на международном уровне, таких как Международная хартия физического воспитания и спорта 1978 г., Спортивная хартия Европы 1992 г. гласят о необходимости установления гарантий права каждого заниматься физкультурой и спортом как основной задаче внутринациональных законодательств в спортивной области. Следовательно, должна функционировать и система реализации данного права. Даже при наличии закрепления этих прав в отечественной правовой системе гарантии их воплощения имеют существенное значение в процессе оценивания эффективности деятельности государственных и местных органов власти в области физической культуры и спорта [3, с. 62].

На сегодняшний день основное место среди национальных правовых актов в области спорта занимает ФЗ от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», определяющий правовые, организационные, экономические и социальные основы деятельности в сфере физической культуры и спорта в Российской Федерации, провозглашающий основные принципы законодательства в рассматриваемой области. Не менее важны нормы, содержащиеся и в других нормативных правовых актах [1, с. 80].

Серьезной мерой в законодательной политике Российской Федерации должна стать систематизация спортивного законодательства, включающая разработку и принятие единого документа, регламентирующего отношения в спортивной отрасли — Спортивного кодекса Российской Федерации, который обеспечил бы полноценную, логически последовательную регламентацию отношений в сфере спорта, так как установленный действующим законодательством правовой режим в спортивной отрасли на сегодняшний день не в полной мере отвечает природе спортивных отношений.

2. Васильев А. Д. О соотношении международных норм и национального законодательства в международном спортивном праве // А. Д. Васильев / Юридическая наука в XXI веке: сб. статей. 2018. С. 130.
3. Исхакова Х. М., Афанесян К. К. К вопросу о соотношении международного и внутригосударственного спортивного права // Х. М. Исхакова / Развитие науки и техники: механизм выбора и реализации приоритетов: сб. статей. 2019. С. 62.
4. Савичев А. А. Понятие спортивного права в российской юридической доктрине // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 1. С. 178.
5. Стрельникова Д. А. Проблемы развития спортивного права в России // Д. А. Стрельникова / Актуальные проблемы теории и практики физической культуры, спорта и туризма: сб. статей. Казань, 2021. С. 456.

Новый юридический вестник

Международный научный журнал

№ 4 (37) / 2022

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Номер подписан в печать 05.11.2022. Дата выхода в свет: 10.11.2022.

Формат 60 × 84/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.